

ВЛАДИМИР ТОПИЛИН

ОИБРИАДА

ТАЕЖНАЯ КРОВЬ

Сибириада. Собрание сочинений

Владимир Топилин

Таежная кровь

«ВЕЧЕ»

2017

Топилин В. С.

Таежная кровь / В. С. Топилин — «ВЕЧЕ», 2017 — (Сибиряда. Собрание сочинений)

ISBN 978-5-4444-9243-7

Трагический случай, произошедший с Владимиром в тайге, делит его жизнь на «до» и «после». Только стойкость духа, сила воли, своевременная помощь знаменитого нейрохирурга возвращают его из-за черной черты. В результате перелома шейных позвонков он становится инвалидом и учится жить заново. Долгие, упорные тренировки и личное мужество помогают ему со временем обрести себя в новой жизни. Документально-художественное повествование основано на реальных событиях, произошедших с автором книги.

ISBN 978-5-4444-9243-7

© Топилин В. С., 2017

© ВЕЧЕ, 2017

Содержание

Таежная кровь	6
След «шакала»	14
Падение	23
Три встречи одного дня	29
День первый	37
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Владимир Топилин

Таежная кровь

© Топилин В.С., 2017

© ООО «Издательство „Вече“», 2017

© ООО «Издательство „Вече“», электронная версия, 2017

Сайт издательства www.veche.ru

* * *

Таяжная кровь

*Не славы ради, а в назидание тому,
кто будет топтать след мой,
чтобы не повторить ошибок моих.*

Автор

Не обязательно долго смотреть по сторонам, напрягая зрение. Пугаться каждого шороха, а их в тайге не пересчитать. Острый взгляд пригодится потом, когда серые сумерки после вечерней зари заполняют существующий мир. А пока можно просто, закрыв глаза, отклониться спиной к стенке и слушать бравый оркестр окружающей природы, где каждая нота имеет свое предназначение.

Звуки... Их десятки, сотни. Как на органе – нескончаемое количество аккордов, от высоких, которые сопровождают полет комара, до неуловимых человеческим ухом звуков наполнения соком земли растущих деревьев. И каждый из них надо понимать, чтобы вовремя, за секунду дать точную оценку происходящему. Для этого надо сидеть тихо, не шелухнувшись, так же, как россомаха ждет зайца, когда он наконец-то пошевелит ушами.

Пискнет в стороне сырой алыч: он знает: это растет трава. Принесет прозрачный воздух едва слышное прикосновение: он видит липкий листочек ольхи, на который упала росинка. Щелкнет сзади резкий хлопок, он не поворачивается, понимает, что это порвалась перепревшая кора умирающей пихты. И не стоит на это обращать внимания, так как это звуки растений деревьев, без которых нельзя представить лес.

...Всплеск воды в ручейке, легкий шелест ветерка или чавканье земли. Многие звуки могут быть созданы живыми существами: от неутомимого полосатого бурундука до марала, идущего на солонец. И этих звуков – преобладающее большинство. В летнее время в тайге живности гораздо больше, чем кажется. Просто не всякий об этом знает.

Вот идет человек разумный среди деревьев, кустарников, по высокой траве. Старается ступать осторожно, не шуметь, крадется. А шума от него больше, чем от экскаватора в разрезе. Зверь слышит его далеко, за сотни метров, а может быть, и дальше, в зависимости от обстоятельств. Обстоятельства всегда далеко не в пользу человека. Во-первых, его движение, шаги, поступь. Думает человек, что идет очень тихо, самому не слышно. Но подошва обуви, каблук имеют твердую опору. С постановкой ноги через землю зверь чувствует ногами, лапами, копытами дрожь, даже можно сказать, инерционную вибрацию, о чем человек не знает. Во-вторых, течение воздуха, ветер наносят запах с такой силой, как будто человек проходит мимо свинофермы, до которой не меньше километра. И в-третьих, одежда – то, что надевает, обувает человек. Современные защитного цвета энцефалитки из прочного материала, соприкасаясь с травой, деревьями, скрипят, шумят с такой силой, что обитателям тайги кажется, будто за несколько сот метров скирдуют солому. Вот почему звери и зверушки своевременно покидают опасное место. И человеку увидеть в тайге зверя очень трудно.

Так думает Топ. И все его выводы подкреплены практикой, которой у него предостаточно. Стоит вспомнить случай, который произошел с ним два года назад, в начале лета. Был такой же тихий, безветренный, теплый вечер. Как сегодня, Топ сидел на лабазе, на солонце, ждал марала. Все складывалось удачно. Топ пришел вовремя, до вечерней росы, которая «заглушила» его приходной след. Легкое атмосферное течение воздуха протягивало от копинины ему в лицо, значит, относилось все его запахи. Перепончатая белка-летяга, планировавшая с высокой ели на кедр над поляной, туда и обратно, рассказала всем, что здесь никого нет. Значит, можно с уверенностью ждать вечернего подхода зверя.

Наступил положенный час. Было еще довольно светло, когда с высокого перевала долетело легкое, предупреждающее чавканье. Зверь шел на солонец по узенькой тропке, наступил копытом в грязь, «рассказал» о своем появлении не только окружающему миру, но и охотнику. Топ знал эту звериную тропку, определил – на каком расстоянии находился марал, с уверенностью представил себе желанную добычу. Вот пантач спустился с взлобка, осторожно встал перед кедровой колодиной, постоял, послушал.

Прошло несколько минут, и зверь безбоязненно застучал копытами по галечнику. До галечника сто тридцать шагов. Идет смело, значит, человека не чувствует. Вот марал зашел в пихтач. Опять остановился. Предпоследнее место, где звери останавливаются, прислушиваясь, оценивая обстановку. Осталось метров пятьдесят. Затем марал встанет еще один раз, перед выходом на поляну, вон в том ернике. И лишь потом выйдет на лизун.

Может быть, все так и случилось тогда. Оставалось несколько минут... Один или два верных выстрела – и наступит миг удачи. Топ представлял себе ту минуту, когда могучий бык-пантач подломится на передних ногах, завалится на грудь, вытянет шею, перед смертью все же сохраняя свои драгоценные неокрепшие рога. Стараясь преломить волнение перед тем, как приложить к плечу приклад ружья и положить указательный палец на спусковой крючок, Топ осторожно достал из нагрудного кармана часы, посмотрел время.

Стрелки показывали десять часов пятнадцать минут вечера. Отличное время, можно засветло освежать зверя. Затем машинально положил механические часы на полочку в стене лабаза, на краешек целлофанового пакета, где лежали хлеб с маслом. И направил стволы ружья на границу леса, откуда должен был выйти марал. Прodelал бесшумно, заученно, как делал много раз. Поднял стволы под движение зверя, зная, что тот не услышит.

Однако пантач встал в то мгновение, когда глаз охотника пал на планку ружья или секундой позже. Остановился в переплетениях невысокой подсады, ерника, густо разросшегося в пихтовой колке. Впрочем, в этом не было ничего необычного. Да, остановился зверь последний раз перед тем, как выйти на солонец. Еще раз послушать, принюхаться, нет ли кого рядом: медведя, своего собрата марала или человека. Убедиться в своей безопасности, что все спокойно, можно смело выходить. На этот, последний, «отстой» маралу нужна минута, не более, чтобы еще раз удовлетворить свое врожденное чувство самосохранения.

Но в этот раз все было иначе. Прошла минута. Зверь не двинулся с места. За ней – вторая, третья, пятая. Марал все так же стоял в чаще. Невидимый, гордый, не достигаемый для пули. Это говорило о том, что зверь чего-то боится. Но чего? Оставалось только догадываться.

Сгустились сумерки. В единую, сплошную стену слилась темная тайга. Прошли полчаса, час... А в поединке охотника и зверя не было изменений. Человек ждал появления пантача, а он не выходил под выстрел. Безумная неопределенность: кто кого. Вот уже планка ружья слилась в комковатую массу, не видно среза стволов. Бесполезно стрелять, даже если зверь и выйдет на лизун. В лучшем случае увидишь темное пятно, в котором не разберешь, где голова, а где лопатка. Выстрелить наугад – значит загубить марала. Попадет пуля в полость, уйдет добыча, до рассвета завалится, пропадет, «сгорит». А это еще один грех на душу.

Топ осторожно убрал ружье, откинулся спиной к стенке лабаза. Долго, напряженно слушал ночную тайгу: здесь марал или нет? Смотреть бесполезно. Что можно увидеть в ночи? Услышать, как уходит зверь, тоже маловероятно. Почуввав опасность, марал уйдет так, что не поймешь, был ли он здесь или нет. Поставит копыто тихо, как упадет снежинка. Продвинет упругое тело осторожно, бесшумно, медленно, будто сдвинется минутная стрелка часов. Шаг за шагом. Молчит трава. Не гремят камни. Ни один сучок не щелкнет. Уйдет зверь – как растает, растворится, испарится. Таким сотворила его мать-природа: в минуты опасности быть невидимым, неслышимым.

Топ ждал. Седьмое чувство, необъяснимое, говорило ему, что марал все еще здесь, стоит там, в темноте ночи. Слушает, пытается почувствовать. Но что? Топу было неизвестно.

Предположение подтвердилось позже. Часа через два напряженного ожидания переменился ветер. Легкое атмосферное течение воздуха вынесло на марала запах человека. В этот момент пантач «рассказал» о своем присутствии. Взорвался неукротимой энергией. Предупреждая округу, залаял собакой. Убегая от опасности, запрыгал по захламленной тайге резвым мячиком. Засмеялся над коварным охотником: «Эх, человек! Ты думал, что умнее зверя? Нет! Побереги пулю для другого случая!»

Топ едва дождался утра, спустился с лабаза на землю. Затем, долго, кропотливо разбирая следы, вымеряя расстояние, пытался понять, почему марал не вышел на солонец. Да, вот он зверь, бык-пантат, стоял здесь, в курослепе. Нетерпеливо, нервно переступал ногами по влажной земле. Осторожно крутился на месте, пытаясь выяснить, откуда идет опасность. До лабаза тридцать шагов, не более. Услышать охотника зверь не мог. Топ сидел очень тихо, «плотно». Шерстяная одежда, выстиранная в свежей проточной воде, прожаренная на солнце, не имеет запаха, даже при редких движениях тела «издает» минимальное количество звуков. Тогда что же могло насторожить зверя?

Ответ нашелся очень скоро и оказался, как всегда, безумно простым. Это были его часы, на которые он посмотрел вечером, а потом положил на целлофановый пакетик. Зверь услышал их работу, новый, непонятный звук, которого в тайге не бывает. Остановился, насторожился, и... оставил человека в дураках.

Вспоминая тот давний поучительный случай, Топ сухо улыбнулся: «Век живи – век учись!» Урок не прошел даром. Теперь у него нет полиэтиленовых пакетов, бумаги. Сухую пищу упаковывает в тряпочные мешочки. А механические часы носит на груди, на резинке, надевая на шею – самое безопасное место от случайного удара. Под курткой часовой механизм никогда, при любых погодных условиях не принимает влагу. И, конечно, на охоте, в засаде, зверь не слышит работу маятникового механизма под одеждой. Остается только следить за своими действиями: двигаться как можно тише, дышать осторожно, не чихать, не курить, на резкие, неожиданные звуки оставаться хладнокровным. А иначе не стоит и идти в тайгу.

Звери очень умные по-своему. Медведь, например, любит проделывать такие номера: почувствует человека и из любопытства начинает проверять. Подойдет сзади, под лабаз, тихо, аккуратно, так, что не услышишь, как трава подминается под тяжелыми лапами. Хозяин тайги может оставаться невидимым, неслышимым час, два, три. Да сколько угодно. А потом, в последний момент, желая устроить охотнику пакость (так как отлично знает, что человек караулит марала), ударит лапой по колодине или завалит сушину. Да с такой силой, что по тайге грохот, как в ветровал.

Вот и представьте себе, тишина, как в гробнице фараона... Слышно, как комарики за спиной пищат. Тишь да благодать. Спокойные вечерние сумерки. И вдруг такой неожиданный грохот, будто десятитонный камень со скалы упал. Тайга стонет, горы эхо пинают.

Охотнику надо иметь железные нервы, чтобы от страха штаны не испортить, да и сердце чтобы не разорвалось. Нельзя поддаваться панике, закричать от испуга, со страху стригануть вверх по дереву, на котором сидишь. Главное в такой момент – вовремя оценить ситуацию. А как понял, что это медвежишко шалит, балует, так и бояться нечего. Все ясно. Хоть и испорчен вечер: марал после медведя на лизун в эту ночь больше не выйдет. Не пойдет до той поры, пока его запах не выветрится.

Но и на этот случай у Топа есть своя защита. Один раз оказавшись в такой ситуации, он стал брать с собой на солонец зеркало. Обыкновенное, квадратное, двадцать на двадцать сантиметров. В такое мужики смотрят, когда бреются. Зеркало закреплено перед его глазами, как на машине, для заднего вида. Расположено так, что в бойницу за спиной все видно.

Обзор – как на ладони. Либо марал принюхивается, или медведь рысью извивается, ползет за корягами под лабаз. А Топ ему: «Куда прешь, лохматый?» Или: «Ну, лезь ко мне, Михайло Иванович, покурим!» Эх! Взорвется медведь, заорет, да чесу по тайге, прыжками, «на

хода». Ревет от обиды, что его первого заметили. Да еще «пятые следы» оставит от неожиданности. Не любит босоногий, когда его вот так «отпустили». В его правилах всегда тайно следить за человеком, а не наоборот.

Впрочем, за всю жизнь, что Топ сидит на солонцах, такой случай произошел с ним только один раз. Но запомнился на всю жизнь. Только непонятно, кому больше: Топу или медведю.

...Тихий, теплый июньский вечер. Бирюзовое небо бесконечно чисто, прозрачно, как опрокинутое озеро. Застывшая тайга насупилась махровыми ветвями деревьев. Благоухающая трава заплакала матовыми росинками. Подрагивают от воды на мочажине желтые лепестки калужницы. Покачиваются назревшие бутоны оранжевых жарков. Где-то в стороне, справа, звенит переполненный тающим снегом ключ. На хребте шумит настойчивый восточный ветер-верховик. По вырубленным водой и временем логам плывет прохлада. Верные признаки – к хорошей погоде. Об этом говорит покачивающаяся «нитка»: зеленая жилка еловой бороды, живая поросль времени. Исключительно точный барометр определения погоды. Она закреплена над смотровой бойницей. Сегодня наклонилась к его лицу. Значит, ветерок плывет от солонца, все запахи человека уходят за спину. Это хорошо. Зверь не почувствует затаившегося на лабазе охотника.

Но в такую погоду марал не придет рано, засветло. В лучшем случае спустится на соль в полной темноте, в два-три часа ночи. Проверено временем и собственным опытом. Значит, пропала еще одна ночь. Но терять надежды не стоит. Все может случиться. Выйдет пантач на «метку», тогда можно бить наверняка.

Метка – обыкновенная затеска, вырубленная Топом топором в прошлом году осенью на черном стволе пихты, за солонцом. Вернее, их две. Одна – на уровне груди марала. Вторая – выше на три ладони. В любую черную, непроглядную ночь их хорошо видно. Помехой может служить только туман, застилающий поляну. Выйдет марал солониться, бродит, копытит землю. В итоге – встанет на убойное место. Подойдет под выстрел, телом закроет нижнюю затеску. Стоит прицелиться планкой ружья, забеленной мелом, ниже верхней затеси на три ладони, и можно стрелять. Выстрел будет точным.

Но это будет потом, ночью. А сейчас надо просто сидеть и ждать. Слушать окружающий мир... Как россомаха ждет оленя, который подойдет под кедр. Как лиса караулит кабаргу, когда последняя спустится с отстоя. Как соболь выглядывает из корней кедра, проверяя, когда же глухарь нырнет в снег на ночь. И все ради одного момента: для прыжка, броска, рывка, выстрела. В этом заключается смысл охоты. Так предназначено матерью-природой: хищнику выживать за счет других, будь то соболь, россомаха, лиса или тот же охотник.

«Не торопи время, не топчи следы, которых нет», – так говорят старые люди тайги. И они правы в своей мудрости. Так послушаемся их совета, не будем забегать вперед. Вернемся к первым листам начатой книги: к диким горам Восточно-Саянской тайги в тихий, теплый вечер начала июня, где Топ ждет свою удачу в глухом подгольцовом уголке. Сидит на лабазе, караулит зверя, марала пантача. По зову далеких предков, от кого он унаследовал дикую таяжную кровь, которая своим импульсом толкает его в тайгу.

Здесь необходимо сделать краткое отступление, пояснить, что такое лабаз (в Сибири, ударение на первую букву «а»), потому что далеко не каждый знает значение слова. И, хотя это повествование рассчитано на довольно узкий круг читателей (в основном охотников-промысловиков, людей тайги), будем думать и о городском жителе, кто, возможно, однажды удостоит эти строчки своим вниманием. Для охотника-промысловика лабаз – едва ли не главное пристанище после избушки. По сути это обыкновенное строение, шалаш, закрепленный на деревьях на некоторой высоте. Каждый из охотников делает его по-своему и считает, что только он делает правильно.

Один возносит лабаз на высоту пяти-шести метров. Второй думает, что хватает расстояния вытянутой руки. Один рубит прочный, под вид небольшой избушки сруб, ставит его на

крепкие, очищенные от коры кедровые кряжи. Тратит на это много времени, силы, делает аккуратно, надежно. Такой лабаз простоит долго, многие годы. Надежно сохранит продукты от дождя, снега, грызунов, росомахи, мелкой птицы и, конечно же, хозяина тайги – медведя.

Другой промышленник делает его на скорую руку, в один день. На трех пихтах, на скобы, прокинет хрупкие лаги, пол и стены выложит круглым тонкомером, а на крышку, чтобы не мочило, натянет целлофан. Соответственно и жить такому лабазу – год-два, а то и меньше. Залезет медведь по дереву, смахнет запасы лапой, и голодуй человек по своей вине.

Так как же делать лабаз: быстро, но каждый год или медленно, но до «седой бороды»? Об этом надо думать. Часто лабазы рубят (строят, кому как угодно) для сохранения продуктов, о чем уже было упомянуто выше. Но для охоты на зверя он подходит как нельзя кстати. Будь то на солонце, где-то на переходе, озере или еще в каких-то местах, где требуется большой обзор местности.

Об этом Топ знает с детских лет, потому высота его лабаза достигает высоты шести метров. С такой высоты отлично видны дальние поляны, а в благоприятную погоду северный ветер относит все запахи назад, за спину, прочь от «приходных» троп. Это половина удачи. Так стоит ли обращать внимание на тонкую, хлипкую обвязку жердей, на которых держится его скрадок, если есть волнующая душу надежда: именно сегодня на выстрел выйдет грациозный красавец марал?!

«Только бы просидеть еще одну ночь, а завтра будет все по-другому. Заменю новые лаги, забью прочные скобы, подвяжу прочный ремень», – постоянно, успокаивая сам себя, думает Топ и вновь окидывает взглядом вечернюю тайгу. И продолжал думать, что часто какие-то дела откладывает на потом, когда будет время. Наверное, до тех пор, пока этот «скворечник» не задавит снег, настороженную кулему разломит кухта, а на приземистую избушку упадет наклоненный кедр.

Вот тогда Топ точно сделает все по-другому: прочно, надолго. Вместо лабаза срубит бревенчатый скрадок на земле. Над ловушкой на соболя настелет густой пихтовый лапник. А новое зимовье срубит на поляне, подальше от склонившихся деревьев. Он помнит, что старые люди учили: беспечность может привести к беде.

Но, видно, так уж устроен человек... Ошибки других охотников не в счет. Топ старается делать все по-своему, в гордом одиночестве.

Этот свой третий лабаз, на котором сидит сейчас, Топ делал тоже быстро. Не один, вдвоем с братишкой Кириллом. Три года назад. В теплые дни начала апреля, по прочному снежному насту, чтобы не подшуметь зверя. Место было найдено заранее, осенью, по следам копытных животных, которые любят глухие, завальные, скрытные от людского глаза места. Учитывая погодные условия, направление ветра утром и вечером, братья определили три дерева, на которых будет покоиться будущий скрадок. И только потом пробили колышком в земле глубокие ямки и засыпали в них пять килограммов соли.

Лабаз строили два дня. В первый день готовили жерди, сколачивали лестницу, крепили обвязку. На второй наложили хрупкий пол из пихтового тонкомера, подняли стены, накрыли крышу капроновым брезентом. И... забыли про него. На два долгих года. До тех пор, пока не случились «непредвиденные обстоятельства», принесшие в его размеренную таяжную жизнь черную полосу, хаос. Может быть, в эти места он заглянул еще нескоро, потому что до некоторых пор два других солонца давали ему стабильную добычу. Такую, какую он желал: по одному зверю в год. Бiggerшего ему было не надо.

Однако два года назад все изменилось. В тайгу на его избранную территорию пришли «черные дни». На дальние белковые солонцы перестали ходить маралы. Сделать вывод, что зверей не стало за одну зиму, неправильно. Неподалеку Топ встречал редкие следы копыт. Просто пантаци и коровы стали обходить его старые места охоты, как бы он этого ни желал. Старые следы «рассказывали», что несколько копытных вышли к солонцам по разу, ткнулись

в копанину и, испугавшись чего-то, покинули родную вотчину, перевалили за водораздельный хребет.

Напрасно Топ принес новый круглый лизун соли, ждал, надеялся, сидел на лабазах не одну ночь. Пантаци не приходили. Как будто кто-то навел порчу, бросил по ветру заговор. Или сварливая соседка видела, как он уходит в тайгу рано утром по задворкам, и заговорила след: «Пуля в поле, хрен в горшок!» Так бывает, когда кто-то хочет пожелать охотнику неудачу или сглазить ружье.

Но ружье Топа всегда живет в тайге, в стволе старого дуплистого кедра, далеко от дома. Когда он выходит на охоту, проходит мимо кедра, забирает «ствол». А возвращаясь назад, ставит его на место, чтобы было меньше проблем. И точно помнит, что последние четыре года неизменная «тулка» ни разу «не выходила» в деревню. А между тем два последних сезона прошли «всухаря»: на солонцах Топ не добыл ни одного марала.

Первое время он еще ничего не понял. Потом в сознание закрались сомнения. И только в прошлом году, когда однажды вечером, за перевалом услышал два резких выстрела, догадался обо всем. Тот, кто устроил ему «непредвиденные обстоятельства», присолил маралов на свою сторону. Как? Очень просто. Во-первых, «тот» охотник где-то неподалеку, скорее всего за перевалом, откуда были слышны выстрелы, сделал новые солонцы. Затем, чтобы отпугнуть зверей от его лизунов, «прокеросинил» их. Налил в копанину керосин или закопал рядом пустую бутылку из-под солярки.

Расчет верный: после такой гадости на солонец зверь не придет очень долго. В крайнем случае – в этом сезоне не жди. А потом, чтобы пугнуть зверей за голец, завабил голосом суко-той волчицы, давая знать всей округе, что в этих местах волчье логово. Понятно, что звери «отвалили» за хребет. Кому хочется попасть на клык? А там, за гольцом, наткнулись на новую соль. Стоит только одному маралу наткнуться на лизун, через неделю туда будут ходить все звери с ближайшей округи.

Как у маралов передается информация, остается только удивляться! Может быть, по вкусовому запаху соли на копытах, что разносится по звериным тропам. Или ветер протягивает по тайге желанные привкусы. Это людям кажется, что соль не пахнет. Человек не может почувствовать ее запах. Но не зверь! Любой копытный улавливает присутствие соли с приличного расстояния. Топ знает из собственного опыта.

Однажды он увидел следы крупного сохатого, проходившего мимо солонца, вдоль горы. Крупный бык шел «на проход» (здесь подразумевается, что сохатый переходил из одного, мало-снежного района тайги в гольцы, то есть «проходной зверь»). Но на расстоянии ста семидесяти шагов от солонца вдруг остановился, вполне вероятно, что «хватил» запаха соли, развернулся и пошел точно на лизун. Топу оставалось еще раз удивиться особому чутью сохатого, уловившего тонкий привкус лакомства с такого большого расстояния.

Тот, кто устроил ему «черные дни», переманил маралов на свои солонцы, удачно промышлял где-то за далеким перевалом. Об этом говорили выстрелы, доносившиеся из-за хребта. А Топ третий год «грыз сухари». В старые, добрые времена за такие действия наказывали. Просто отливали пулю. Дальше все понятно. Но где оно, это время? Кануло в Лету под натиском нашествия цивилизации. Остается только вспоминать рассказы старожил, которых, к сожалению, нет в живых.

Когда Топ понял, что на те дальние подгольцовые солонцы маралы ходить не будут, вспомнил про этот лизун. Солонец Топа не имеет ничего необычного, такой же, как у всех охотников из его поселка. Пришел сюда в прошлом году, к своему некоторому удовлетворению, узнал, увидел, что кроме тройки коз (сибирская косуля) на копанину ходит один бык пантач. Пусть не такой взрослый, около трех лет от роду. Но все же лучше, чем вообще никого и ничего.

Как уже упоминалось выше, здесь, на высоте шести метров, был сооружен лабаз из пихтовых жердей. Вот только в обвязке на лаги положены рябиновые палки: строили его с Кириллом «наскоро», на один год. Хотя они и достаточно толстые, может быть, пятнадцать сантиметров в диаметре, все же это лиственное дерево, кустарник, которому со дня рождения предназначена короткая жизнь.

Все строение напоминает клиновидную треугольную загородку, шалаш из двух стен, покрытый капроновым брезентом. Длина скрадка чуть больше двух метров, чтобы можно было свободно вытянуться человеку во время отдыха. Высота стенок – семьдесят сантиметров. Сидя на небольшой доске, можно спокойно и, главное, бесшумно, прицелиться в добычу. Дно лабаза выстлано сухим мхом, чтобы не протягивал прохладный воздух снизу. В углу лежат теплые носки, ватные штаны, телогрейка и тонкая шерстяная шапочка: ночи в тайге летом прохладные. На одной из стенок закреплена небольшая полочка. На ней – запас провизии в тряпочных мешочках: хлеб, сало, несколько сладких пряников. Продукты завернуты, чтобы не обдавали запахом. В полуторалитровой полиэтиленовой бутылке – свежая вода из ручья. Перед лицом, на палочке, лежит ружье, по правилам – всегда под руками. Можно быстро взять. Не упадет вниз при случайном, неверном движении тела.

До копанины – около двадцати метров, может, чуть больше. С такого расстояния стыдно промахнуться. Тем более что за ямой, на пихте, светятся две метки-затески. Одна ниже, вторая чуть повыше. С восточной и западной сторон к солонцу подходят две тропы. По любой из них в каждую минуту может выйти копытный. Будь то сохатый, марал или козел. Медведь тоже любит проверять эти места, хотя сам соль не употребляет. Он предпочитает подкараулить, задавить того, кто ходит солиться.

Чуть наискось, с юго-восточной стороны, небольшой ключ, вода, напитанная сочным тающим снегом, выбивается из-под земли в ста метрах чуть выше по ложку. До него – около пятидесяти метров. Шумит, играет родник по обкатанным камешкам, как резвый, непоседливый ребенок. С трех сторон к солонцу скатываются небольшие горки, густо заросшие черным пихтачом. Здесь кедр – редкий представитель, преобладают пихта и ель. В лучшем случае на небольших полянках распушится рябина или береза. Да у самой воды трепещет листьями игривая талина.

Воздух переполнен сырой прелью благоухающей травы, среди охотников именуемой «дурнина», потому, что растет быстро, «прет в рост» на глазах. И к середине июня она уже поднимается в рост человека. Преобладает дудник, листовник, пучка, папоротник. Травы растут густо, пройти тяжело, ногу поставить некуда. Поэтому считается, что в середине лета в тайге «ход» самый тяжелый. Не только двуногому существу, человеку разумному. Зверь тоже уходит на свои излюбленные места. Сохатый предпочитает болотистые мочажины. Марал придерживается границы альпийских лугов. Круторогий сокжой нежится на каменистых гольцах. Даже медведь в поисках сладкой отавы блудит по тенистому заветерию, где позже сходит снег, а молодая черемша только наливается соком.

Но на южную сторону гор зверей все так же манит соль, без которой любому копытному приходится тяжело во все времена года, особенно весной, после тяжелой зимовки. Поэтому «присоленные» пантаци ходят в заветные лакомые места с завидным постоянством.

Летом марал на солонце более осторожен, чем при первых проталинах. Зверь может часами стоять на одном месте, слушать, рассматривать, принюхиваться. Что ему время? Жизнь дороже! Врожденный инстинкт самосохранения развит тысячелетиями, не сравнить с человеком. Но Топ – охотник и ждет марала.

Этот год еще не принес ему удачи из-за того, что кто-то мешает ему промышлять. Знать бы кто, может, все было бы по-другому. Возможно, сейчас Топ не сидел бы на этом лабазе, а был бы дома со своими родными, близкими. Они ждут его каждый час, каждую минуту,

вспоминают с теплотой, любовью, нежностью. Светлана и Аленушка. Дорогие люди: жена и дочь. Они и сейчас с ним вместе: в сознании, душе, сердце.

О них вспоминает всегда, когда смотрит на часы. Вытаскивает за резинку круглый циферблат, определяет время. И улыбается, представляет, что происходит дома. Восемь часов вечера: Светлана, скорее всего, управляет хозяйством. Аленушка помогает, крошит хлеб в ведро пороссятам или несет собакам в чашке еду. Половина десятого: жена смотрит телевизор, дочь несет книжку-сказку почитать. Десять пятнадцать: обе, обнявшись, лежат на диване. Мама пытается понять смысл зарубежного фильма, но доча не унимается: «Расскажи сказку».

И это не все, о чем ему хочется вспоминать с улыбкой. У него еще есть мать, отец, братья, сестры. Большая, дружная, родная семья. Однако тот дом, в котором сейчас здравствуют две дорогих ему души, неоспоримо ближе, родней и дороже всех, потому что, видно, так устроена жизнь.

Но, чу! Где-то под перевалом встревоженно закричали дрозды. В той стороне, откуда, всего вероятнее, должен прийти марал. На западе. Там небольшая торная тропка, по которой марал приходит на копанину.

Об этом Топ знает, несколько дней назад ходил в тех местах. Отпечаток копыта везде одинакового размера и формы: вытянутый, острый, чуть больше двенадцати сантиметров. И старый помет напоминает огромную кедровую шишку: с одной стороны треугольный, с торца округлый, тупой. Значит, на солонец ходит бык-пантач, скорее всего, трехлетка. Есть еще копытца коз, три-четыре отпечатка. Но это на случай «прокола», если и эта ночь окажется «пустой».

А крик дроздов все ближе, вниз, сюда, к нему. Однако перестука копыт не слышно. Только легкий, режущий свист крыльев. Вот, так и есть: между деревьев мелькнул острокрылый силуэт. Сапсан несет в когтях дрозда. За ним – свора рябых собратьев. Налетели гурьбой, раскричались, проводили седого разбойника и вернулись ни с чем, разлетелись к своим птенцам. Так бывает: стоит зазеваться, и... распрощаешься с жизнью. Тайга ошибок не прощает никому. Будь то зверь, птица, рыба или человек.

Но выйдет ли сегодня на солонец зверь? Поздний вечер. Стрелки часов показывают половину одиннадцатого. По густому пихтачу крадутся настойчивые сумерки. Еще десять – пятнадцать минут – и пелена ночи застит притихшие перевалы. Что тогда? Увидишь ли в темноте знакомую рогатую фигуру? Неизвестно. Вот, бывало, когда-то на тех солонцах к этому времени он уже аккуратно спиливал бархатные панты. А теперь?

Неужели и третий год пройдет впустую? Ни рыбы, ни мяса. На столе в избушке – половина луковицы да щепоть соли... И кто же хочет занять его территорию, выгнать из подгольцовой тайги? Об этом пока знает только ветер.

След «шакала»

Легко, ходко идут лыжи. Десятисантиметровая перенова податливо подминается под талиновые тесинки. Мягкий, пушистый снег вьется под носками камусов. Ритмично, с легким нажимом поскрипывают юксы, будто серая полевка мечется от аскыра в корнях кедра. «Шух-шух, пик-пик», – звуки, сопровождающие охотника-соболевщика. Это значит, что по тайге идет человек. Топчет для себя лыжню. Знает, что где-то там, впереди, его ждут заветные стежки, кособокие четки ореховых соболей.

И от этого ожидания капелью талого снега бьется сердце, горячая кровь горным ручьем мечется по жилистому телу. А разум торопит время и расстояние: только вперед, дальше, быстрее! И нет пути назад. Как нет возврата весеннему паводку. Как нельзя вернуть жизнь падающему дереву. Шаг за шагом. Метр за метром. Поворот за поворотом. За перевалом – распадок. За хребтом – долина. Минута за минутой. Час за часом. День за днем. Неутомимый маятник вечного времени...

Однако не все так легко, как кажется. Это только планеты могут вращаться сотни, миллиарды лет. Человек – маленькое существо в Мироздании. Песчинка у матери-природы, создавшей его. Силы не бесконечны. Всему есть предел. Времени, расстоянию, постоянству. Выдержке и силе простого охотника, чей образ представлен в этом повествовании. «Легко идут лыжи» – только так кажется. На деле лыжи скользят, подаются вперед ногами человека. Шаг за шагом, метр за метром, складывая их в километры уверенной лыжней.

«Камыски» – лыжи, специально предназначенные для перехода в глубоких снегах. Обыкновенные, талиновые (осиновые, еловые, тополевые, березовые, все зависит от мастера) тесинки, загнутые впереди и прямые сзади. Ширина – четырнадцать сантиметров (плюс-минус пять сантиметров, кому как угодно), в основном стандартный размер. Длина – по переносицу охотнику, того, кто будет на них ходить. Толщина – от полутора до трех сантиметров под ступней (зависит от веса человека). Наружная, нижняя сторона лыж обтягивается камусом, шкурой животных (лошади, сохатого, марала, реже собаки). Волос приглажен к задникам.

Все делается для того, чтобы лыжи хорошо «шли» вперед и не сдавали назад, когда человек поднимается в гору. Крепления лыж сшиваются из дубленой кожи или специальных, искусственных заменителей. Каждая из лыж весит от одного до трех килограммов. И этот вес надо толкать вперед. По мелкому и глубокому снегу. В мороз и оттепель. Осенью, зимой и даже весной. Скажи, читатель, сколько у тебя хватит на это терпения и сил?

У Топа терпения и сил хватает на четыре часа «плотного хода». Два последних слова объясняются так: идти по путику от одной избы до другой без перерыва, останавливаясь только для того, чтобы настроить сработавшую ловушку или капкан. Для этого Топ затрачивает от двух до трех минут. В зависимости от выпадки снега. Четыре часа – приблизительное время. Он может пройти этот отрезок пути по-разному. Минус полчаса, плюс два часа.

Все зависит от того, какова толщина снежного покрова и сколько сработавших капканов предстоит насторожить. Расстояние выбрал себе сам. С годами точно рассчитал по времени рабочий день, свои силы и возможности. Свой путик Топ прокладывал последние пятнадцать лет. С юного возраста. Как только сделал сам свои первые камусные лыжи.

Сейчас те годы кажутся ему наивными, даже несколько смешными. В тринадцать лет он еще не знал, как надо правильно ставить капкан. И та первая кулемка, которую он срубил мартовским днем, до сего дня стоит как «памятник» детским годам. За все время, что Топ промышляет, на нее так и не поймалось ни единого зверька потому, что была сделана неправильно. А он так гордился своей ловушкой! Почти ежедневно ходил, проверял. Носил всевозможный прикорм, от стреляного рябчика до куриных окорочков, украденных у матушки из холодильника.

Но «подарки», которые Топ приносил в тайгу, не помогли. Лишь тот колонок (которого потом, под весну, поймал в свой капкан друг Генка Писакин, оказался «таким жирным и холестным») беспрепятственно переползал на животе через насторожку, раз за разом преспокойно срывал лакомство и, по всей вероятности, благодарил его за очередную порцию халявной еды.

«Рыжий потрох» так и прожил всю зиму неподалеку от кулемки, в теплой, сухой колодине поваленного кедра. Натоптал до своего пристанища к ловушке твердую, набитую тропку. А в последние две недели, в конце февраля, привел себе будущую подругу, с кем на пару почивал остатки дней своей жизни. И попался в капкан из-за своей самоуверенности. Колонок перебежал за небольшой увал, где проходил путик наставника и друга, да и залез в голые, обтаявшие на солнце железные челюсти. А у Генки, он старше Топа на четыре года, промысловый опыт гораздо богаче: тарелочка самолова срабатывала под тяжестью упавшей спички. Результат оказался налицо. Топ остался с носом, а Генка – с рыжей шкуркой.

Пожалуй, это был первый горький урок в его суровой охотничьей жизни. Топ не знал тогда, что челак (насторожка кулемки) должен срабатывать от легкого прикосновения прутиком, а не тогда, когда на сторожок упадет топор. А сколько их еще было потом, этих досадных, обидных «уроков», из которых складывалась его интересная и богатая на охотничьи ошибки летопись! Десятки, сотни. Но в следующий раз все происходило по-другому, не так, как прежде. Опыт обрстал практичной мудростью. Со временем увеличивалось количество ловушек, путик удлинился, выравнивался, проходил по самым «продуктивным местам».

На второй год промысла с десяти кулемок он положил в свою котомку семь белок. На третий, с друзьями, такими же, как и он, любителями тайги, срубил свою первую избушку по Семеновскому ключу. Продолжил рубить кулемник, ставил капканы и наконец-то под монотонную песню заунывного февраля поймал своего первого соболя.

Да, это было неповторимо! Стократный выброс адреналина в кровь! Первый аскыр, которого добыл своими собственными руками. На это было затрачено столько труда, сил, времени, наконец – настойчивости и упорства. И вот он держит его, замерзшего, горбатого, кажется, драного, с закатавшейся шерстью, в плешинах. Но нет ничего дороже этой минуты! А потом – выбраться на высокий перевал, там, присев на колодину, подкурив сигарету, осматривать синие дали. Какие думы будоражат разум!

И снова – вперед, до горизонта, а достигнув его, он уже не может удержаться от соблазна идти дальше. Это чувство похоже на чувство полета и хочется лететь ввысь, под бирюзовое небо, несмотря на холод. И греет душу первая удача и пульсируют в голове мысли: «Вот оно, это мое, это сделал я, добыл своими руками, никому его не отдам!» И эти первые чувства охотника останутся, как и первый поцелуй девушки.

Пройдет время, за первым соболем он добудет второго... пятого... десятого. И все становится привычным и понятным, как снег и вода. Ты охотник, а соболев – это добыча. И не просто добыча ради азарта, а в какой-то степени – средство к существованию.

Теперь у него не одна кулемка, а несколько десятков. Путик заканчивается не на Екатерининском хребте, как было пятнадцать лет назад, а под Великим Московским гольцом. Чтобы пройти его весь, от начала до конца, потребуется два дня. Вернее – трое суток, с двумя ночевками в избах. По дороге – три зимовья. Расстояние, длину путика Топ измеряет в часах. Два часа до первого зимовья, еще четыре – до второго, а третий отрезок пути, самый дальний, укладывается в шесть часов.

В первый день Топ проходит до второго зимовья. На второй – до третьей избы. Третий день – возвращение назад, домой, уже по «пробитой, торной» лыжне. На всем протяжении путика насторожено сто сорок самоловов. Преимущественно кулемки. Около пятидесяти капканов с очепами и его гордость: собственного изобретения десятка полтора кулемок с очепами.

В этот день выход оказался удачным. Не потому, что снежная перенова выкраплена следами соболей, колонок, белок и прочих пушных представителей тайги. А из-за того, что за

то время, сколько он не вставал на лыжи, выпало незначительное количество осадков. Здесь, на первом от деревни перевальчике, на его лыжне лежит около десяти сантиметров снега. За двадцать дней это мало. Под лыжами твердая опора – старая промерзшая лыжня. Лыжи скользят по поверхности. А мягкая, легкая палерина (пухлый снежок, покрывающий поверхность снега в результате перепада температуры, в основном с мороза к теплу, местное название) дает исключительный «ход».

«Идешь с подкатом», – говорят старые охотники. Переставил ногу, а лыжина сама переносит тебя еще на полметра вперед. При таких условиях любое расстояние по времени сокращается в два, а то и в три раза. Есть случаи, когда при подобных условиях охотники проходили за день до шестидесяти километров и больше. До первой избы можно дойти не за два, а за полтора часа. Тем более что этот отрезок пути «непродуктивный», то есть пустой.

Зимой соболь здесь не держится. В лучшем случае спускается на выбежку с каменистого отрога раз в неделю, да и то игнорирует прикорм: не лезет в капкан и тем более – в кулемку. Подойдет на метр к ловушке, сделает «кучку» и шагом, не торопясь, уходит прочь по своим делам. На его собольем языке надо понимать так: «Эх, охотник! Дурак ты! Кого надуть хочешь? Клал я на твоего рябчика и на тебя, с большим, толстым приворотом. Можешь еще и колбаски повесить, все одно не полезу. Тебе только дома, у бабы под юбкой сидеть, а не снег топтать, меня ловить. Прощай, Миридон. Оставь лучше туалетной бумаги. На той неделе наведаюсь еще». Или что-то в этом роде.

Раз аскыр в капкан не идет, неси капкан к аскыру. То есть ходи туда, где соболь живет. Вот и тянется лыжня через лог к ветровалам, под высокие черные отроги, к хмурым каменистым россыпям, где охотнику с собакой черт да хрен, а соболу – дом родной.

Как Топ и предполагал, до первой избы добежал быстро, за час сорок. Когда переходил через ручей, набрал воды в котелок, выскочил на бугор. У стены зимовья – нетронутый снег. Дверь подперта сторожком. Все так же, как двадцать дней назад, когда он здесь был в последний раз. Посуда чистая, перевернутая на столе. Сухие дрова под нарами, все целы. Даже кусочек бересты лежит на полочке. Мечта любого охотника в наше время: прийти на избышку, а там – охапка сухих дров. Одна минута – и горит огонь, промерзшее зимовье набирается теплом. А в закопченном котелке закипает вода под чай.

Пока горят дрова, греется котелок, он, вновь вдернув ичиги в юксы, зашуршал по снегу в гору. Ходил недолго, через три минуты приехал назад с небольшой сушинкой на плече. Бросил дрова на снег, снял лыжи, сорвал со стены пилу. Еще пять минут – и готовы пять чурок. Для следующего раза. Когда придет в тайгу еще через двадцать дней, будет на чем вскипятить чай да обогреться. А если кто придет из гостей, то дрова достанутся ему. Только бы тот, кто воспользуется его предусмотрительностью, в свою очередь оставил несколько поленьев для него. К сожалению, так бывает очень редко.

А из избышки уже тянет душистым ароматом: заварился «купеческий чай». И отогрелись прижатые к горячей трубе беляши, положенные заботливой Светланой. Жена знает, когда Топ собирается в тайгу, на обход. Заблаговременно что-то стряпает: пирожки, котлеты, пельмени. Удобно: бросил в кипящую воду или поджарил – и готова еда. В тайге это ценится, потому что времени всегда не хватает. Порой приходишь на избу затемно, голодный, как шатун, холодный, как скала, злой, как росوماха. Десять минут – и готова еда да горячий чай.

Перекусил плотненько, оттаял душой и засоловел глазками. И уже не думаешь о том, как сегодня у тебя под ногами черный аскыр удрал, а на правой лыжине юкса перетерлась. Где уж тут любимую жену добрым словом не вспомнить! Спасибо тебе, Светлана Анатольевна, за заботу, любовь да ласку. Теперь он точно знает, что половина охотничьего фарта зависит от хорошей жены: коли дома все ладно, знать, и в тайге все приглядно.

На короткий отдых в первой избышке уходит ровно один час. Ни больше. Задержишься на тридцать минут – на вторую избу придешь затемно. А если на путике сработала половина

капканов, тогда вообще – включай фонарик. Тут надо стараться уложиться вовремя: желудок набить, лыжи прикрутить. И опять в дорогу.

Сразу за избой – «печка». Это образное выражение среди местных охотников: «Идешь в гору, как на печку лезешь». Значит, и у него так же. Пошел в крутой перевал. Это самый удобный ход на хребет, проверенный им за долгие годы. Пусть круто, тяжело, убордно (снег на пол-ичига). Но зато потом, наверху, места – «хоть боком катись», то есть ровные. Может попадутся небольшие увальчики, невысокие колки, пологие гривки. А на них – каменистые россыпи, курумники, обширные, длинные ветровалы да скальные прижимы. Соболю – дом родной. Почему и тянется его путик в те заветные места, через крутобокий хребет, в изрезанную временем, ветрами, водой вершину Красного ключа – норовистого, труднопроходимого притока красавицы реки Шинды.

А вот и первая кулемка. В паре сотен метров от зимовья. Как всегда – пустая. Будто закон матери-природы: срубишь ловушку в «окне» – будешь всю жизнь кушать сухари. «Окно» в понятии любого соболятника понимается как неходовое место для соболя.

Каждый охотник, даже начинающий, со временем понимает, что любой зверь в тайге живет на своей, порой отвоеванной кровью, территории и ходит по определенным местам. Не так: куда захотел, туда и побежал. А именно от дупла до россыпи, ветровала, на кормежку, на следующее место отдыха. За определенное время, оббегая свою вотчину. Почему и ходит как бы по кругу, одному ему известными тропками.

К примеру, вышел молодой, неопытный, начинающий охотник в тайгу, захотел провести свой путик. Идет по отличным соболиным местам. Здесь – россыпи, завалы, кедрач стоит в два обхвата, да частый, кормовой. Кажется, чем не место для ловушки? А вон и соболя стежка: прошел аскыр под гору. Надо здесь срубить кулемку или поставить капкан. И удача будет на сто процентов!

Задумал – сделал. Наколотил жердей как надо. Или хатку сложил. На прикорм повесил половину рябчика. Даже следы свои припорошил. А сам уже лелеет, холит приятные мысли. Думает, когда придет, а там – козак (высший сорт соболя) попался. Черный, с проседью, здоровый, как лиса. И уже дома перед мужиками может похвалиться. Жена ждет обещанного аскыра на шапку. А за это все ночь жарко целовать будет... Прошла неделя. Побежал охотник на свое заветное место. Чешет лыжами, только пар из-под шапки валит. По дороге думает, на какую правилку шкурку садить. Добежал до капкана, а он – пустой.

Нет соболя, не попался. Почему? Вот вроде и следы есть. Проходил аскыр рядом, в десяти шагах. Но не заглянул почему-то «на огонек». Досадно, но ладно. Думает, в следующий раз фарт будет. Но и в другой день – тоже самое. Не ловится соболя, да и только. И на третий раз, на пятый... И мужики начинают посмеиваться, вроде «тебе на помойках по банкам стрелять». И жена из тайги встречает не с пирожками, а с веселкой. Да и спать ложится отдельно. Вот и второй год наступил. За ним третий...

А соболя в эту ловушку так и не ловится. Да вообще никогда не попадется. Потому что это место пустое, «окно» называется. Да, ходит здесь соболя. Но – на проход, мимо. Просто он здесь не кормится. Стоит только посмотреть по следам: и прыжки шире, и путь прямой. Значит, идет, не останавливаясь, до определенного места. Так что здесь ты его «пряниками с медом» не заманишь, как ни старайся. Здесь зверек не попадется. Поэтому, прежде чем поставить капкан или ловушку, надо знать, где ставить или рубить.

Известны случаи, как опытные промысловики-соболятники по этой причине бросали целые путики или переносили их на некоторое расстояние в сторону. И результат был другим.

Топу опыт пришел с годами, когда «ноги набил да ума нагрузил». Однажды понял, что да как, но времени прошло много, путик был проложен дальний, на удобном ходу. А переделывать работу не хотелось. Так и стоят они, древние ловушки, как часовые... Редко когда попадется пышнохвостая белка да залезет под давок изголодавшийся колонок. Зимой в кулему соболя не

лезет: слишком явно видна устрашающая пасть. Здесь хитрого аскыра надо ловить на капкан или низовую ловушку, которые сделаны у него там, за перевалом, где соболиная вотчина.

Идет Топ туда, в соболий края. Лезет в гору, поднимается на хребет. Шаг за шагом, метр за метром. От кулемы до кулемы расстояние в двести метров. У каждой остановится, чтобы перевести дыхание на пару минут. За плечами котомка с грузом: продукты, капканы, прикорм, фонарик и прочая мелочь. Хоть и немного, но всегда на выход набирается до пятнадцати килограммов. Да если учесть, что снег на хребте глубже, можно понять, что с каждым шагом лыжи продвигаются медленнее.

Там внизу, за спиной, в логу, его прошлая лыжня была видна хорошо, легко прикрыта десятисантиметровым снегом. Здесь, на полгоры, старый след лыжни слился в одну сплошную канавку. Однако под лыжами все равно твердь, идти гораздо легче, чем по целику. На лыжи осыпается пухляк. Пушистый снег едва не засыпается в ичиги.

На первом прилавке Топ остановился, снял котомку. Прислонился к мерзлой пихте, снял шапку. Где-то здесь, в этом районе замерз Вадья Могилев. Такой же, как и он, любитель тайги: зимой на лыжах с обметом побегать, летом на речке хариус ловить. Закрутился в снег-пургу на хребте, потерял ориентир, не смог выйти к дому. Бегал сутки: то в гору, то вниз... Так и погиб один среди черной ночи, никто не смог помочь, путь-дорогу указать. В двадцать девять лет. В деревне вовремя хватились, искать пошли. Большой плюс: снегом следы не завалило.

На третий день обнаружили полураздетого, с обмороженными руками, ушами, потому что потерял рукавицы, шапку, куртку, а под конец и лыжи. По двухметровому снегу брел пешком, по пояс в снегу. В конце концов, вот так же присел спиной к стволу дерева да и уснул вечным сном. Потом, при вскрытии, сделали заключение: не выдержало сердце. И страшно представить, о чем думал Вадим, понимая, что наступают последние минуты его жизни...

Эх, судьба злодейка, а жизнь у охотника – копейка. Каждый год тайга кого-то забирает. Коли не замерзнут, так утонут. Или шатун завалит, или с кедра упадет. Да мало ли причин, почему мужики домой не возвращаются! Редко, когда труп отыщется. Лишь только место гибели в память его именем называют.

Сколько их на реке: каждая яма под своим названием. Как и в горах, почти каждый ключ носит чью-то фамилию. И этот ручей, где замерз Вадим, каждый местный охотник назовет Могилев ключ. Или просто, по имени: Вадькин. Вырубить бы вон на том кедре крест, обозначить место. Да все недосуг, не хватает времени. Сейчас, зимой не с руки: от мерзлого дерева отскакивает топор. Надо в теплую погоду, в марте-апреле. Да сделать аккуратно, на молодом стволе, чтобы память осталась надолго, хватило лет на сто-двести. А там все одно забудется.

Коротка память человеческая, как хвост медведя, которого хватает только, чтобы закрыть свой зад. Кто знает, что будет через сто лет? Будет ли стоять эта тайга и горы?

Но время торопит. Пора в дорогу, теперь уже без перекуров, на перевал, осталось немного. Топ взвалил на плечи котомку, перекинул в руках таяк, твердо передвигая лыжи, грузно запыхтел по заваленной снегом лыжне. Если это действительно можно назвать лыжней. Так, неглубокая, тонкая канавка, смутно напоминающая изрезанную борозду. Как будто могучий сохатый перед выюжной метелью пробивал себе грудью дорогу в двухметровых сугробах. Прошел, а след запуржило.

Кулемки тянутся одна за другой. Здесь, с северной стороны пихтач толстый, густой. От одной кулемки едва видно следующую ловушку. Она, как и эта, тоже пустая. Вон, может быть, за ней, под молодым кедром, попадется белка. В прошлый раз, когда Топ возвращался с обхода, там были «квадратные» следки. По всей вероятности, в том месте беличий переход. С каждым выходом эта ловушка дает по одной пышнохвостке. И не делает проловов. Да, так и есть. Изда-лека виднеется черная метелка хвоста. Крупный самец плотно придавлен тяжелым давком. Неоценимое преимущество при промысле. Резкое сдавливание, мгновенная смерть. Гуманный способ добычи пушного зверя. Если бы все ловилось таким образом...

А вот и вершина хребта. Как всегда, она покоряется неожиданно. За невысоким взлобком рдеет просвет в черных стволах деревьев. Гора выполаживается, становится ровной. Идти легче, несмотря на глубокий снег. Здесь не видно канавки. Топ чувствует старую лыжную ногами. Как хороший конь, который «видит» дорогу ночью. Лыжи «знают», что под ним прочная твердь. Глубина покрова едва скрывает носки лыж. А стоит шагнуть в сторону, провалишься до колена. Так что лучше идти старой дорогой, чем тарить новую. Едва перевалив на южную, ветреную сторону, он чувствует, что снег становится плотным, надувным. Какое-то расстояние Топ идет по верху корки, как по весеннему насту, что значительно упрощает передвижение.

Он уверенно шагает по хребту. До «пяти кедров». Для него это своеобразная хитрость: пройти по надуву триста метров, а потом свернуть в сторону. Зачем? Чтобы спрятать свой след от чужого глаза. Топ знает, что после него постоянный юго-западный ветерок к вечеру переметет лыжню. Уже завтра утром другой охотник не увидит, кто здесь ходил.

Это хитрость для «залетных», для других «промысловиков», кто любит пробежаться по чужому путику. И в простонародье, среди местных мужиков, носит меткое прозвище – «шакал». Соответственно существует понятие: «шакалить по путикам и избам». Или: «погреть руки над чужим костерком». А это – снять с капканов добычу (или капканы), найти по следам избу и навести там свой «порядок». Сжечь дрова, сожрать продукты и унести, украсть то, что понравится.

Справедливый закон тайги гласит: не ходи по чужому путику, не бери чужой добычи. Пришел в чужую избу, оставь после себя дрова и спички. Сожрал продукты – напиши записку и поставь свое имя. По необходимости взял что-то из чужих вещей – принеси и положи на место, где лежало. Не нами придуманы эти законы тайги! И никто не знает, с каких пор они существуют.

Старожилы говорят, что в старые, добрые времена за нарушение законов провинившегося голым, со связанными руками садили на муравейник. И во всей тайге был порядок. По чужим путикам никто не ходил. В зимовье всегда был запас дров, продуктов, соль, спички, посуда. А некоторые охотники даже оставляли ружья и провиант. В сознании любого промысловика жили честь и достоинство.

Куда и когда ушли те старые, добрые времена? Почему ныне все по-другому? Вышел случайный «охотник» на чужую лыжню и считает обязательным по ней пройти. Пришел на новую избу – обязательно погреться чужими дровами, не оставив ничего после себя. И может взять что-то из чужих вещей, что понравится, потому как никто не узнает и не докажет, кто и когда здесь был. Вот и пустуют современные зимовья без дров и посуды, с голыми нарами да прохуdivшимися печками, спрятанные в глухих местах, подальше от людского глаза.

Почему так происходит? Как случилось, что чужой человек, нежданный и незванный гость, готов прибрать к рукам все, что плохо лежит? Да потому, что в тайгу пришла пора безнаказанности и вседозволенности! Механизированные средства передвижения добрались и сюда, упругими путами кровососущего спрута опутали первозданный мир тайги.

Новые охотники в любое время года врываются на машинах, моторных лодках, вертолетах. Приехали – нагадили – уехали. У них одна цель: поживиться и адреналина пустить в кровь! Бьют, стреляют, ловят, травят, не разбираясь, подряд, что только попадется на мушку прицела. Порой просто так, чтобы попробовать оружия, себя потренировать. Потому что уверены, что никто не узнает об этом, их имена... А значит, и совесть чиста. А так ли это на самом деле?

Топ тоже прячет в тайге свои избушки от постороннего глаза, от потной руки, от жадного пришлого человека-шакала. Стараются скрыть путики, ловушки, солонцы. Слишком дорого достается то, что сделано своими руками. И даже этот продуманный хитроумный скол – переход лыжни через надув – избран не зря. Довольно часто по хребту проходят чужаки – те, кто не прочь пробежаться по его лыжне в поисках легкой наживы.

Как правило, человек идет там, где легче. В данном месте – именно по плотному снегу, где ветер легкой поземкой сравнял его следы. Значит, несведущий глаз не сразу заметит, что здесь, через хребет, проходит чей-то обустроенный кулемник. До этого дня так и было. Часто он сам пересекал чужую лыжню, оставаясь «невидимым». Но понимал, что рано или поздно его все равно найдут. Потому что человек – не птица. У него нет крыльев. А куда можно убежать от своего следа?

И это случилось. Как только Топ вышел из-за пригорка, увидел то, чего боялся. Нет, не злого шатуна. Не шквальный ураган, снежную лавину или болотистый зыбун. И верховая кулемка была цела, а не сломана упавшей сушиной. Там, около ловушки, был пробит чужой след!

В первую минуту Топ еще сомневался: может, показалось? Потом поспешил проверить, ускорил шаг, почти побежал. А когда подошел вплотную, растерянно отбросил таяк в сторону. Нет, не обман зрения. Не галлюцинация – а след от других лыж. Чужая лыжня, проложенная по его путику!

Он присел на корточки, забыв снять с плеч котомку. Сорвал рукавицы, подхватил горячими ладонями снег, попытался слепить снежок. Зачем? Просто так. Потому что надо было что-то делать. Спонтанно. Действия были одними, а мысли витали в другом пространстве. Что произошло? Как? Зачем? Кто? Почему?

След человека был недавний. Он прикинул, вспоминая, когда и какая была выпадка снега. Да, позавчера, свистел небольшой ветродуй. Потом погода остановилась. След лыж привален на пять сантиметров. Значит, человек был здесь два дня назад. Вот, дошел до этой кулемы, развернулся и пошел назад.

След широких, таких же, как у него, лыж. По всей вероятности, тоже камусных. Потому что вон там, на горке, он поднимался легко, не скользил назад. Но, может быть, это случайный заплутавший промысловик, попавший в беду, воспользовавшийся его лыжней? Тогда откуда он шел? И почему здесь развернулся и поехал назад? Легкая надежда мелькнула в сознании. Но интуиция бывалого охотника подсказывала другое.

Собравшись с силами, Топ встал, подобрал рукавицы, таяк, быстро зашагал вперед по лыжне. Настойчиво всматривался вперед, пытаясь увидеть долгожданный выход в сторону. Но все напрасно.

Тот, кто вышел по его путику на перевал с Красного ключа, возвращался назад проторенным следом, по его старой лыжне. Или, проще говоря, путиком. От кулемы к капкану, от капкана к низовой ловушке. Все дальше и дальше. Проверая его самолы. Вернее, ловушки он уже проверил, когда шел сюда, на перевал. А теперь просто уходил назад, откуда пришел. Первая сотня метров, вторая. Километр, второй. Вот он подходил к кулеме: снял белку. Теперь уже не оставалось сомнения, что по путику прошелся «шакал».

А дальше – больше. Без поворотов, напрямую, в сторону избушки. Как у себя дома. Будто путик был его, а не чужой. Снимая с ловушек все, что попало за то время, пока Топ был дома. Снимал и вновь настораживал капканы и челаки. Возможно, надеялся, что все останется незамеченным. Но, как не заметить то, что сделано чужими руками?

У каждого охотника свои особенности постановки, как отпечатки пальцев на руках. Кто-то приподнимает сторожок или, наоборот, топчет его до самого поскока. Другой промысловик, считая, что надо ловить именно так, излишне приподнимает дуги капкана. Иной выравнивает их на одном уровне с язычком. У каждого «свой почерк». И как не узнать, настораживал ловушки он сам, если разница в постановке отличается как огонь и вода?!

Впрочем, большого улова, как это бывает осенью, не было. Так, может, одна-две белочки. Однако Топ знал, что более существенный «подарок» будет. Там, немного дальше, ближе ко второй избушке, в россыпях и завалах. В низовой кулеме, в которую аскыр охотно идет и в зимнее время года.

В охотничьих «копилках» имеется большое количество способов ловли соболя. Это верховая кулемка, плашка, пришедшие к нам из незапамятных времен от прадедов. Когда «железной собаки», капкана, еще не существовало. А подручный материал, дерево, всегда был под руками. Есть и черканы, петли, силки, подушки, куркавки, пасти. Да и еще множество разных самоловов, какие только был способен изобрести человек, чтобы выжить. Описывать их устройство, доказывать преимущество одного перед другим нецелесообразно. На это уйдет слишком много времени, бумаги. Да и кому это надо? Схемы ловушек подробно описаны в современных охотничьих журналах.

Однако у Топа есть свое изобретение – самолов – придуманный им за годы обустройства путика. Это кулемка с очепом, в которую в непромысловое время года (декабрь, январь, февраль) все же иногда попадают «полосатые», соболя (в переводе с древнеиндийского языка соболь – «полосатый»). Натапывая свой путик из конца в конец, Топ долго изучал повадки аскыра.

Много времени и силы ушло. Как говорит мудрая пословица, «что не доходит головой, доделают ноги». Неоднократно прослеживая соболя четки, Топ наконец-то понял, что надо соболю, чтобы он полез в ловушку. Прежде всего – много свободного места перед давком или капканом, чтобы зверек шел смело, не опасаясь каких-то посторонних предметов, как узкая хатка или видимый сторожок под прочным давком.

Существует мнение, и с ним согласны опытные соболятники, что аскыр «знает» устройство капкана, а тем более кулемки. Некоторым соболям все же удается вырваться на свободу из железных челюстей или давка ловушки. Тот аскыр, кто был однажды в капкане, уже никогда не полезет в него. Более того, с генами зверек передает будущему поколению приобретенный опыт самосохранения.

И у нового потомства выработано чувство страха перед капканом, которое иногда притупляется чувством голода или нервного расстройства при разделении территории осенью. Но как поймать соболя зимой, когда он прекрасно видит кулему и хатку, знает, что там стоит капкан? На этот вопрос есть еще один ответ: соболя надо заинтересовать.

Как и любой другой таежный зверь, аскыр любопытен и на все новые, необычные проявления и запахи реагирует, обязательно проверяет, где что лежит и что это такое. Используя эту особенность, Топ спрятал прикорм: стал убирать рябчика подальше, чтобы зверек не видел его. Хищник чувствует запах, но не видит приманку. А ему надо узнать, где она спрятана. Пусть в этот день зверек не полезет на капкан, побоится. Но он вернется сюда обязательно, во второй, третий раз постарается проверить наживку.

Есть еще одно важное обстоятельство для охоты зимой. Опытный охотник знает, что соболь любит проверять колодины: кедровые, пихтовые, еловые, какие только могут быть в тайге. Потому что в них кроме мышинного семейства может оказаться запас пропитания, который другой такой же, как он, хищный зверек иногда оставляет. И соболю надо обязательно пройти в этот пустотелый ствол, проверить, что там лежит и по возможности «испробовать» запасы своего собрата. Учитывая это, Топ однажды сделал, срубил свою ловушку, которую назвал «кулема с очепом».

На первый взгляд, обыкновенная верховая кулемка, срубленная наискось: торцы порога и давка прибиты ко второму дереву несколько выше, «рабочий механизм» свободен, лежит на снегу и на очепе (толстая жердь, противовес, прихваченный к стволу кедра с внутренней стороны). На давке вертикально, сбоку, крепится небольшой клин. Очеп фиксируется кольшком с фаской, заранее забитым в землю. Насторожка обыкновенная, челачная. У ствола дерева, где настораживается челак, на снег ложится пустотелая колода, в которую кладется приманка. Сверху, как всегда, – навес из веток.

Принцип работы прост. Известно, что соболь в ловушку, устроенную на земле, идет более охотно, лучше, чем на верху. Низовая кулема дает простор. Колодина и спрятанная приманка

– интерес. Пытаясь пройти в колоду, аскыр идет через челах. Насторожка срабатывает, давок падает. Одновременно, сдавливая зверька, верхняя жердь, падая, клином выбивает с колышка очеп, который под действием собственного веса опрокидывается и поднимает кулему с добычей на некоторую высоту. На высоте добытый зверек сохранится, его не испортят грызуны. Такую ловушку можно проверять один раз в двадцать-тридцать дней.

Для несведущего в промысловых делах человека довольно подробное объяснение может показаться нудным, лишним. Читая эти абзацы, кто-то скептически спросит: «Зачем все это?» Однако, по мнению автора этих строк, это написано для узкого круга читателей, в основном сибиряков, среди которых преимущественно люди тайги. Возможно, им будет интересно познакомиться с моим опытом. А у тех, кто заставил себя потратить время на чтение, автор просит прощения.

Какой-нибудь промысловик скажет: «Слишком все запутано и сложно. Чтобы сделать такую ловушку, надо много времени». Действительно, так. Но опытный соболятник знает, что в тайге все измеряется качеством, а не количеством. Так не лучше ли за один день срубить две ловушки, в одну из которых обязательно попадется соболь, чем двадцать «пустострелов», которые простоят без дела весь сезон? Впрочем, у каждого свое мнение.

Вот в такой самолов попался соболь. Тот аскыр, что приходил к ловушке не единожды, крутился рядом, но опасался по какой-то причине лезть в творило, а потом все-таки заскочил. А «шакал» его снял. Это было видно сразу по старым соболям четкам, легким ворсинкам под давом. И то, в каком положении находилась кулема: в поднятом, оторванном от земли состоянии, спущенная – говорило о том, что ловушка сработала. И не просто так, а по соболю. «Шакал» даже не побеспокоился насторожить ее заново. Может быть, не знал, как ее взвести. Или же был так уверен в своей безнаказанности, что не соизволил приложить руку, чтобы «замести» свои следы. Это была наглость, преступление всех законов тайги.

Пройти по путику – это еще не грех. Можно объяснить эти действия как вынужденные. Например, необходимость выйти по твердому следу, в нужном направлении к поселению. Но снять пойманного соболя – это уже не «шанежки». Когда-то за это «присаживали на пику».

И опять следы. Лыжня теперь уже чужая. По путику Топа. Как камень на шею. Как падение со скалы. Как ушат ледяной воды в сорокаградусный мороз. Припорошенный снегом сдвоенный «ход» чужого человека. Топ разозлился. Но все еще на что-то надеялся. Думал, что там, на второй избушке, он увидит незнакомца, который в оправдание своим действиям что-то расскажет. А на правилке будет висеть его соболь. Он подаст шкурку и скажет: «Вот, возьми, это твой. Я снял его, чтобы не съели мыши». И все встанет на свои места. Они познакомятся и будут разговаривать долго, может быть, всю ночь. Как старые, добрые друзья. Потому что тайга сближает и делает людей честнее и справедливее. Плохие люди в тайге долго не задерживаются.

Зря успокаивал себя. Пришел на избу, а там – никого. Только вчерашние следы «шакала»... Наполовину пустая поленица дров. Исчезла часть продуктов. Нет приемника, и тем более шкурки соболя. Не снимая одежды в остывшей избе, Топ сел на холодные нары. Не замечая прохлады, снял рукавицы, стал кусать снежок. А на душе – чернота. Как будто умерла его любимая собака. Или украли ружье. А может даже, кто-то с насмешкой сказал, что ему изменила жена.

Падение

Вспоминая давний случай, Топ нервно передернул плечами: до сих пор неприятно думать о том, что случилось, с чего начался отсчет неудач на охоте. И знать бы тогда, что еще предстоит пережить...

А сумерки постепенно гасят яркие краски тихого летнего вечера. Царство ночи близко! Мутными разводами туши закрашиваются очертания деревьев. Ночь, будто хищница рысь в поисках добычи бесшумно переступает по тернистой земле своими лапами. Идет осторожно и настойчиво, целеустремленно. Вот уже матовыми мазками гуаши затушено сиреневое небо. Рубчатый пик недалекого хребта растворился на горизонте. Неугасающими искрами костра разметались над головой мерцающие звезды. Близстоящие деревья сгрудились серой массой: не понять, где разлапистая пихта, а где шероховатая ель. Комковатые кустарники заволновались болотистыми кочками. Серебро вечерней росы легло на поникшую траву. Говорливый ручей накрывается мягким одеялом молочного тумана. Прохладный воздух насыщен таяжной свежестью. Легкое течение несет в лицо терпкие запахи смолы, благоухающей земли, ароматы засыпающих жарков. В букет соцветий добавляется «привкус» загнивающего дерева.

Наступает час противостояния. Граница смены суток. Затухающий вечер отдает свои права царству ночи. Неопределенная тишина, всего на несколько минут. Смолкли голоса дневных птиц, а ночные хищники еще не выдали своего присутствия. Но где-то в глубине леса ухнула ушастая совка. Будто черные молнии, над поляной заметались первые летучие мыши. Призывая потомство за собой, пискнула в колоде проворная ласка.

Наступил час охоты, когда хищный зверь ищет добычу ради продолжения своей жизни. Бездобидная мухоловка, стараясь не издавать лишних звуков, прячет в гнезде свое неугомонное, прожорливое потомство. Строгое время наития. Мрачная пора суток противоборства живой плоти. И неизвестно, кто доживет до утра.

Топ потянул за резинку часы, посмотрел на циферблат. Половина двенадцатого. Специально окрашенные фосфором стрелки на черном фоне четко отмечают пунктиры с указанием цифр. Даже в такую непроглядную темень, когда вершины деревьев смутно простреливают небо.

Землю под лабазом не видно. Сплошная чернота. Создается ощущение, что там – пропасть. Только где-то впереди, за копаниной, едва светятся две метки на дереве. От ощущения, что под ним ничего нет, возникает противное чувство страха. Кажется, вот-вот обрушатся хлипкие лаги, и Топ полетит в неизвестность. И только уверенность: он же ночевал на этом лабазе не одну ночь, заставляет остаться на ночь до утра.

Мысли возвращаются на круги своя... С вечера марал на солонец не пришел. Почему? Может, зверь насолонился до этого дня и теперь инстинктивно ходит на копанину только раз в неделю. Может, был где-то рядом, когда Топ пришел сюда, а потом лез наверх, на лабаз, и спугнул его. Или еще раньше ушел на перевал, на обдуваемые ветром, щедрые на сочную траву луговые поляны, а назад не захотел спускаться. И ждать, что зверь придет ночью – маловероятно.

В лучшем случае (и то навряд ли) выйдет под выстрел рано утром. Тогда лучше всего лечь спать. Отдохнуть до рассвета. А если и будут какие-то изменения, Топ услышит. Услышит потому, что так устроен его организм – даже во сне слушать то, что происходит вокруг, и просыпаться на звуки, которые издает идущий зверь.

Еще раз убедившись, что вокруг никого нет, Топ зашевелился, начал одеваться. Сначала облачился в теплые ватные штаны, надел шерстяные носки. Потом – телогрейку. Под голову уложил сапоги и осторожно вытянулся во всю длину лабаза. Да уж, какое блаженство – после нескольких часов скрюченного состояния расслабить тело, спокойно полежать, даже поспать

три-четыре часа! Чтобы потом, так же осторожно поднявшись на рассвете, продолжать свой дозор. Не напрасно было потрачено столько времени на постройку лабаза. Хорошо, что есть крыша над головой, место, где можно прикорнуть. А просидеть в одном положении, как на курином насесте, как это когда-то бывало, утомительно и непредсказуемо.

Топ вспомнил, как проводил когда-то свои первые ночи на солонцах. Некоторые мужики караулят зверя на озере. Заранее наскоро подготавливают три-четыре жердочки в развилке дерева на высоте трех метров. И называют это лабазом.

В действительности такой «куриный насест» может послужить добрую службу в том случае, когда сохатый или марал выйдет в закате. Вот и попробуйте просидеть в одном положении три-четыре часа! И вы узнаете все прелести охоты. Особенно, когда жерди начинают врезаться вам в нежную задницу, а один самый противный сучок так и лезет в неподобающее место. А свисающие ноги некуда поставить, они затекают, наливаются свинцовой кровью до такой степени, что хочется закинуть их за уши. И некуда прислониться «задубевшей» спиной. Шея немеет, кажется, что и голова не соображает. Руки держат ружье, которое так и хочет упасть вниз под дерево. Несмотря на все «неудобства», надо слушать, напрягать зрение, отмахиваясь от вездесущего гнуса. И при этом постараться не сорваться с седала.

Чтобы было более понятно, представьте себе такую картинку. Пакостная корова забралась в амбар и пожирает из бочки соленую капусту. При этом бочка стоит в подполе, под досками. Для этого корова встала на колени, вытянула шею и широко раздвинула задние ноги, чтобы удерживать равновесие. Стараясь не шуметь, чтобы не услышала хозяйка, корова довольно аккуратно заглатывает сочное лакомство. Уши, как локаторы, настороженно вслушиваются, не идет ли кто? Тело напряглось, колени болят. Да еще рога в дыру пролезли и зацепились за доски. Голову заклинило, назад не подается. Самой корове назад не выбраться, надо звать хозяйку. Но и капусту хочется доест. Вот и старается рогатая тварь, напрягшись всеми членами, как можно скорее и больше сожрать из бочки, хотя, обессилив, может завалиться в погреб сама.

Вот так же, когда-то восседая на «курином лабазе», Топ почему-то всегда вспоминал ту корову, которая съела у них полбочки капусты, и находил много общего. Когда он случайно открыл дверь и увидел ее, стоявшую в позе «бегущего египтянина», с поднятым хвостом, несколько минут пытался сообразить, что же это такое...

Так же и охотник на седале: пытаясь расслабить затекающие места, принимает такие положения тела, что и в «Камасутре» не придуманы. Корова «замахивает» языком капусту, а охотник, стараясь отпугнуть наседающих комаров, использует свое дыхание, направляет его губами. И надо видеть порой, какую гримасу может изобразить человек. Впору снимать на кинокамеру да отправлять в телепрограмму «Сам себе режиссер». Первое место обеспечено! И еще. Корова, уплетая капусту, старается не шуметь. И охотник в ожидании зверя старается сидеть тихо. Но только это ему так кажется.

Трудно представить, как после четырех часов ожидания, человек может быть неслышным. В какой-то степени это напоминает токующего глухаря. Когда шелкает, значит – отгоняет комаров. Ну а «точит» – значит, меняет местоположение. Так какой же зверь подойдет под выстрел, если тихим вечером «восседание на курином седале» слышно за полкилометра?! Здесь уж, согласитесь, явное преимущество в ночной охоте имеет лабаз с полатами. И с вечера сидеть хорошо, и ночью отдохнуть можно. Да и одежду теплую оставить, потому что ночью в тайге достаточно холодно.

Наконец-то Топ прилег на мягкий мох. В блаженстве вытянул затекшие ноги, руки. Наслаждаясь отдыхом, чему-то улыбаясь, чувствовал, как по скованным членам растекается свободная кровь. Становилось легко, тепло, уютно. Почти как в домашних условиях, на кровати. Только воздух таяжный: чистый, свежий, прохладный. С ароматом лесных привкусов. При таких благодатных условиях сон восстанавливает силы человека за несколько часов.

Проверено многолетним опытом и подтверждают все охотники-сибиряки, кто предпочитает ночевку на свежем воздухе сжатым стенам избушки. Только не хватает костра, искр играющего пламени, нежного прикосновения к рукам тепла огня и шаловливого потрескивания сухих поленьев. Даже наукой доказано, что свет пламени расслабляет напряжение глаз. Легкий «разговор» горящего костра ласкает слух. А естественное, природное тепло успокаивает нервы.

Однако в этот час не до костра. Нельзя разводить огонь на месте охоты. Потом не дожدهшься, когда марал придет на солонец вновь. Остается как можно плотнее упаковать себя в теплую одежду да, свернувшись калачиком, впасть в забытие. Что Топ и сделал. Осторожно перевернувшись со спины на левый бок, он уткнулся головой в стенку из жердей.

Прежде чем отключиться, вспомнил жену и дочку. Спят, наверное, безмятежным сном. Сладко, трогательно. Светлана – как всегда, на боку, чтобы время от времени прикрывать одеялом дорогое создание. А Аленка, конечно же, разметалась поперек кровати, сложила ноги на мать, раскинула руки в стороны. И нет в этой картине ничего милее и трогательнее. С этими воспоминаниями Топ сложил под головой руки лодочкой. Одно ухо, как локатор, выставил из-под капюшона энцефалитки. Чтобы лучше слышать, что происходит вокруг, так как мозг все равно будет улавливать посторонние звуки. Еще три секунды – и он уже спит.

...Снится Топу, что едет он в розвальнях, на игривой тройке. Как в далеком детстве, на общенародном празднике «Проводы зимы». С такими же, как и он, детьми – веселыми, нарядными, с подарками в руках. Кони мчатся по растаявшей дороге, грязным лужам, через многочисленные ухабы. Мелодичными переливами звенят медные колокольчики. Пестрыми змеями вьются на хомутах яркие ленточки. Сильные ноги лошадей выбивают в дороге комья подтаявшего снега. Вдруг впереди, через дорогу – речка, как в половодье, налитая снеговой водой. Грязная, мутная, бурная. Несется под ноги лошадям шквальной лавиной. Топ смотрит вокруг, а сверстников нет. Когда и куда исчезли – неизвестно. Хочет крикнуть кучеру, строгому дядьке в тулупе, чтобы тот остановил. Но и того тоже нет. Несутся сани одни, без лошадей. И вот уже влетели в бушующий поток. Холод, мороз дерет его по коже. Не хватает воздуха. Топ захлебывается водой, хватается за скользкие берега, но все пустое. Яростное течение влечет его вниз, кружит, увлекает, топтит. И нет сил противостоять стихии, как нет сил сбросить с себя оковы сна.

В какой-то момент Топ понимает, что это сон. Хочет вырваться из его плена, но не может. Словно тяжелые свинцовые путы сдавили каждый мускул тела. Нет сил вырваться из цепких объятий наваждений, чтобы оторвать с головы когти свирепого, голодного шатуна.

Наконец проснулся. Вздрыгнул, открыл глаза, прислушался. Нет, это не сладкий перезвон колокольчиков, а мягкие переливы таежного ручейка, бегущего где-то в стороне. И не шум мутного потока, а легкий ночной верховик шагает по макушкам деревьев. Нет «летающих» коней. Только насторожившаяся тайга вокруг, на многие километры, до невидимого горизонта.

Не открывая глаз, в полудреме Топ какое-то время прислушивался. Не слышно ли шагов? А может, пока спал, на лизунец вышел марал? Но нет. Все тихо. Только где-то в стороне однотонно выводит нудную песню ночная пастушка. Как на флейте начинающий музыкант пробует ноты. Дует в инструмент, но все никак не может перекинуть палец. Далеко на перевале резко ухает филин. Значит, все как и прежде. Можно спать дальше.

А сон так и «лепит» глаза сладким медом. Сверху «капает» на веки теплая, вязкая пихтовая смола. Такое чувство, что он не спал трое суток. Усталость, как после многодневного перехода. Кажется, что вот так и лежал бы целые сутки или больше. Только вот левый бок занемел. Рука затекла по плечо. Боль выворачивает мышцы наизнанку. Надо бы перевернуться на правую сторону, да лень. Может, поспать еще с полчаса, а потом развернуться? Нет уж, лучше сейчас, чтобы потом продлить время отдыха как можно дольше.

Топ перевернулся на правый бок. К самой стенке. Даже головой ткнулся в жерди. Левое ухо из-под капюшона – на страже. Покрутил головой, лежащей на сапоге. Приткнул руками

полы телогрейки, ладони – под мышки. Поджал ноги под себя. Колени к животу подтянул. Так теплее. Можно опять отключиться на пару часов. А там будет видно. И сразу же уснул.

...Он помнит, что не было никакого сна. Только какая-то черная яма. Неизвестность и пустота. Как в пропасти. И где-то далеко стихает, притупляется нудный голос ночной пастушки. Мозг отключается. Голову окутывает сладкий туман.

Вдруг резко – щелк! Как выстрел из малопульки. Как предупреждение. Ухо, как неизменный часовой, тут же передало сигнал в голову: «Эй, хозяин! Просыпайся!» Разом, в одно мгновение пыхнуло, взорвалось сознание: «Что такое?» И следом: «Под тобой треснули полаты».

Топ в полудреме, еще не очнувшись от сна, притих. Старается не дышать. В голове вяло «плавают» мысли: «Почему это произошло?» И – ожидание, не треснет ли где еще. Он знал, что лага под полом имела большой запас прочности, достаточный для того, чтобы выдержать вес троих человек. Значит, пока что можно лежать, не суетиться. Утро вечера мудренее. Когда будет светло, Топ посмотрит, что там произошло.

Надо бы осторожно перевернуться, встать, покинуть опасное место. Но расслабленное тело просит отдыха. Ему так легко, как, возможно, не было очень давно. Пригрелся, облежался, расслабился. Усталость последних дней сковала мышцы, и нет желания даже пошевелиться. Не хочется выпускать из-под телогрейки тепло, тем более что под ним спокойно. Больше ничто не трещит, не щелкает, не качается.

Мысли успокаиваются: «Что ты? Все хорошо!» Возможно, они беспечны, как и он сам. За все время, что Топ ходил в тайгу, вывел для себя правило: если в каком-то деле есть неопределенность, нужно положиться на волю времени. В большинстве случаев эта его «формула» давала неплохие результаты. И Топ привык доверяться времени. И как жестоко ошибся!

Больше нигде не щелкало, не трещало и, тем более, не качалось. А оборвалось, лопнуло, обрушилось! Как хрупкий сучок кедра под натиском толщи снега: держится до той поры, пока существует предел. Но потом в одно мгновение ломается в тонком месте.

Момент начала падения, кратковременный полет и удар о землю Топ помнит плохо, потому что находился в сонном состоянии. Все произошло так быстро, что чуткий сторож – ухо – не успело передать в мозг предупреждение. А сравнить случившееся можно, разве что с полетом пули на отрезке пути в несколько метров.

Два отрезка времени: состояние «до» и «после» словно соединились в противостоянии друг другу. Краткий миг падения! Высота шесть метров. И два отрезка времени разъединились: здоровое состояние «до» и... ползучее «после». Как у лягушки, перебегающей с одного болота на другое через проезжую часть. Радует, надеется, стремится. И вдруг – попадает под колесо проезжающей машины. Какой-то миг – и машина уехала. Но задние ноги лягушки передавлены. Она еще пытается убежать с дороги и не понимает, что обречена. А сзади едет еще одна машина.

Страшный, шокирующий удар разбудил его. Как будто электрический разряд в тысячи вольт пронзил голову, руки, ноги, сердце. Ощущение: в один миг расчленили тело на мелкие куски. Первый вопрос сознания: «Что произошло?» Глаза поведали страшную правду.

Топ лежал на земле, на спине, широко раскинув руки в стороны. Как птица в полете. Несколько наискось, под уклон. И голова находилась ниже уровня ног. Рядом с головой – ствол дерева. Черная пихта, одна из трех опор клиновидного лабаза, на которых он сам себе построил ловушку. Рядом с головой, в двадцати сантиметрах от ствола дерева в землю уходит сыромязный корень. А там, наверху, теперь уже грозное сооружение без пола. Смертоносный лабаз, который Топ построил своими руками.

Упал... Все-таки случилось. Топ как будто ждал этого, помнил, что это может произойти: соскользнет со ступенек нога, оборвется рука или что-то подломится под тяжелым телом. Так бывает, когда степень риска связана с высотой. Или когда шишкаришь, лазишь за орехом по

кедрам либо карабкаешься по мерзлым пихтовым веткам за застрявшим сободем. И вот как сейчас – падение со скрадка.

Сколько таких случаев Топ знал в жизни! Когда кто-то по неосторожности, случайно, по собственной неосмотрительности «прилип» к земле насмерть. Он может указать на кладбище несколько могил тех, кого по великому случаю нашли в тайге. Но найдут ли его?..

Вот попал, так попал! Грохнулся с высоты из-за собственной беспечности. Точнее – тупости. Можно было себя обезопасить, подстраховаться, как это делают многие мужики: подвязывают веревкой или ремнем под мышками к стволу дерева. Такого позорного падения не произошло бы. Может, растянул бы себе на груди мышцы или сломал пару ребер. Но в остальном остался бы целым. И главное – живым. На ногах.

От этих мыслей стало еще тяжелее. Шок от удара о землю! Непонятное состояние: почему он не чувствует тела и не может сдвинуться с места?! Он один. И некому помочь. И главное: никто не знает, что с ним случилось и где он сейчас находится.

В какое-то мгновения Топу показалось, что он все еще спит. А может, это «кумар» после угарного дыма, похожего на тот, когда они задыхались в палатке? Но нет. Топ ясно видит деревья, под которыми он проходил много раз, разломанный лабаз, траву, слышит шум ручья. Он лежит на земле. Новое, незнакомое, непонятное разуму состояние тела, которое описать сложно.

Нет боли, какая бывает при переломах рук, ног. Только сзади, на шее, чуть выше лопаток кто-то режет ножом да колет шилом. Но это не так страшно. От груди до пальчиков ног – ватная немота, сравнимая с состоянием, когда отсидишь ногу или руку, передавишь нервы, а тело занемеет, сделается чужим, не повинуется сигналам движения. Ноги «горят», как ошпаренные кипятком. От поясицы «простреливают» разряды тока. Ритмично, с интервалом в пять-десять секунд. Ударяют по пяткам, бьют по ступням, в пальцы ног. А по коже «бегут муравьи».

Топ попробовал встать, не получилось. Ноги не двигаются. Попытался поднять колено – тот же результат. Хотел повернуться на бок, но даже этого не получилось. Недвижимое тело напомнило мешок с мукой, тяжелый, бесформенный. Работают только руки да шевелится голова. Потрогал ладонями живот – чужое тело. Попробовал дотянуться до ног – то же самое. Ладони «понимают», что к чему-то прикасаются, а тело не чувствует прикосновения.

Он не может оторвать голову от земли, нет сил. Но может поворачивать лицо направо и налево с помощью ладоней. И сильное чувство усталости. Как будто он сделал по тайге далекий трехдневный переход без сна и отдыха. И уже нет сил сопротивляться усталости, одно желание – забыться. Какое-то непростительное чувство равнодушия к происходящему. Закрыть бы глаза, уснуть на несколько часов.

Топ понял, что с ним произошло что-то страшное, непоправимое. Больше всего тревожила мысль, что ноги не повинуются ему. И лежит он сейчас под открытым небом, как отжившая свой срок, сломленная ветровалом пихта. Упала и будет догнивать какое-то время на земле, пока не превратится в труху. Только дереву что? Оно безмолвно умирает и слова не скажет. Так уж устроено в этом мире.

Но он – человек и не хочет погибнуть вот так, в этом глухом уголке тайги, сломленный, обреченный... Если упавшее дерево еще какое-то время живет, до тех пор, пока из ствола не уйдут все соки, то он умрет гораздо быстрее. Одна из главных причин – возможное поражение внутренних органов. Если порвалась печень, Топ протянет, проживет пятнадцать-двадцать минут. Если почки – то гораздо меньше. Он понимал разумом, потому что знать об этом обязывала работа.

Вдруг почему-то вспомнился Кучум, молодой кобель, который погиб под копытами зверя. У него были поражены внутренние органы. Жалко было собаку. А его сейчас жалеть некому, потому что никто не знает, что он сейчас умирает. Разве что вот эти притихшие деревья да поникшая трава.

Сколько прошло минут после падения? Три-четыре?.. А сколько осталось? Неизвестно. Наверно, тоже несколько минут. Последних, реальных и самых дорогих. И как страшно знать, что вот еще немного – и тебя не будет. Плохо, когда видишь свою смерть. Лучше уж сразу, как тот Кучум. Он-то не понимал, что наступил конец. Просто лег и закрыл глаза.

Три встречи одного дня

Что надо парню в двадцать один год, который вернулся со службы в армии? Вопрос традиционный, ответ почти всегда одинаков у всех. Желанная встреча с родными и близкими, друзьями, одноклассниками, любимой девушкой, которая верно ждала его возвращения. Нет конца разговорам, чувствам, общению и веселому настроению. Первый день: встречи, шумное застолье. Полдеревни – в гостях, всеобщее внимание. На второй – выход в «гражданское общество», плохо скрываемое удивление: как все изменилось. А в третий – первые планы на свою дальнейшую жизнь. И многообещающее будущее.

Дорогая матушка суетится, встает в пять часов, чтобы к завтраку для родного чада были готовы пирожки, беляши или пельмени. Искренне считает: «Изголодался на чужбине! Вон какой худой!..» Конечно же, ей не понять, что стройная фигура у сына не от плохой кормежки, а от нервного переживания. Последние полгода «до приказа» дни считал, сам еще там, а все мысли – дома. Какой там аппетит! От бессонницы хлеб с маслом в рот не лезет.

Отец важно показывает хозяйство. Для него возвращение сына – двойная радость, еще один помощник в доме. Теперь будет кому литовкой траву косить да бревно за второй конец поднимать. Но главное – осенью в тайге звериные тропы топтать. Гаврилович как-то загадочно позвал сына за баню и с гордостью произнес:

– Вот, сынуля, вырастил тебе собаку, пока ты там срок был. – И показал на стройного кобеля: – Кучумом зову. Еще ни разу в тайге не был, все тебя ждал.

Топ на седьмом небе! Шутка ли: теперь у него своя собака! Верный, надежный друг в тайге. Будет теперь с кем перевалы считать! И сразу видно, хорошей породы. Длинный телом, высокий на ногах. Хвост месяцем, уши торчком. Окрас трехцветный: волос рыжий, серый и белый. Как у красного волка. Характер спокойный. Сразу видно, хороших кровей кобель. Привезли из Новосибирского питомника. В первые минуты встречи Кучум важно вылез из конуры, недоверчиво склонил голову, какие-то мгновения принюхивался. А потом хватил родной запах и небрежно закрутил хвостом, лизнул протянутую руку. Дал понять, что не против дружбы с сыном хозяина. Значит, дело будет!

А у сына уже «кровь играет». Горящий взгляд блуждает по сторонам: «Эх, пробежаться бы по косогорам!» В последний год тайга чаще любимой девушки снилась. А отец к столу тянет. Кто-то из гостей пришел, надо поделиться семейной радостью. Не каждый день сын со службы возвращается!

Зашли во времянку, засели к угощению. Слово за слово, тары-бары. А все пустое. Скучно почему-то. Сидит Топ на стуле, а сзади будто кто «шилом тычет». Наконец-то нашел причину, вышел на свежий воздух. А там, на крыльце, двоюродный братишка Кирилл, смотрит трепетными глазами:

– Ну что?

– Все! Завтра идем! – наконец-то молвил Топ. – Надо только продукты собрать.

– Так уж собрано все, – отвечает брат.

– Когда успел?!

– Да пока ты там с гостями пустые разговоры заводил...

Топ усмехнулся: сразу видно, одна кровь. Тоже дома не сидится, хоть и городской. Видно, старые походы тоже «разум мутят». Они присели рядом, стали обговаривать следующий день. Матушка, Людмила Матвеевна, подошла, улыбается:

– Ну, как, сынок, дома-то хорошо?

– Да уж получше, чем в железном кубрике, – отвечает Топ. И сразу же наводящий вопрос:

– А где, мама, мое ружье?

Та сразу все поняла, взволнованно всплеснула руками:

– Что это ты? Даже и дома не побыл!

Матушка знала характер сына, но все же попыталась остановить его от задуманного:

– Да уж и не помню, куда спрятала. Как ушел служить, в тряпку завернула да куда-то положила...

Но их уже не остановить. Нет ружья, да и ладно. Все равно на дворе июнь – не сезон охоты, стрелять нельзя. Можно и так, просто прогуляться. Вспомнить былые годы, когда они ходили вместе за черемшой под Лопату. Тогда Топу было восемнадцать, Кириллу – одиннадцать. Теперь они оба стали старше на три года.

Утро следующего дня застало их в дороге. Солнце встало из-за гор. Стрелки часов показывают шесть. А братья уже перевалили за первый перевал. Почему так быстро? Потому что не спали всю ночь, ждали, когда начнет отбеливать. А как развиднелось, какой уж тут сон? Котомки на плечи – да в путь.

Топ на правах старшего идет первым. Вернее, не идет, а почти бежит. Кажется, что сил не меряно. Ноги сами прыгают через кустарник, колодины, кочки. Все вокруг знакомое, родное. Каждый распадок, ложок, ключ, пригорок. Ничто не изменилось за такое продолжительное время. Даже те старые ловушки, что Топ рубил в школьные годы, целы и невредимы. Создается впечатление, что он был здесь на прошлой неделе.

Отточенные запахи тайги кружат голову, придают энергии. Очертания далеких гор выбрасывают в кровь очередную порцию адреналина, которого у него и так в избытке. Кажется, шел бы без перекура день, ночь и еще день, до тех пор, пока не упал от переизбытка чувств. Но шествие значительно тормозится потому, что Кирилл едва его догоняет.

Брат сильно хромает. Правая нога короче левой на два сантиметра. Полтора года назад, зимой, Кирилл упал с крыши, сломал шейку бедра. Очень сложный перелом. В престарелом возрасте у человека слабые шансы на то, что кость срастется вновь. У молодых надежды больше. Для того, чтобы удачно сложить ногу, нужен опытный хирург, которого найти в глухомани невозможно. И неизвестно еще, как обернулось бы дело, если бы не настойчивость тетушки, Людмилы Матвеевны. Она взяла на себя ответственность за жизнь племянника, вывезла его в город, где сделали операцию. Собрали кости, но немного неправильно. Доктор сказал, что к армии все будет нормально, только надо больше ходить. И вот Кирилл идет сейчас сзади него. Припадает на правую ногу. Но не подает вида, что ему тяжело идти, хорохорится, «дает фору»:

– Иди быстрее! Ползешь, как черепаха!

Топ понимает, что пора делать привал. Тем более что они подошли к «своему месту», где когда-то, три года назад, останавливались попить чай. Водораздельный хребет. Господствующая высота. Здесь все под руками: дрова, вода и открытая местность. Когда сидишь с кружкой чая, а вокруг – видимость на десятки километров, трудно передать свое состояние, ту радость, что рвется из груди! Чем-то это похоже на полет планирующего коршуна...

Разожгли костер, Топ встал над ним, стараясь пропитаться дымом, от пихтового сушняка он особенный, неповторимый. Нет ничего роднее ароматов благоухающих трав, проточной воды, горящего огня, густого дымка. Их не заменит никакой самый модный запах французских духов, туалетной воды...

Пока братья готовили нехитрый завтрак, подбежали собаки Бим и Вьюга, кобель и сука. Про Бима можно сразу сказать, что он – лодырь и подхалим. Бегаёт коротко, рядом, хитроумно прослушивая, куда идет хозяин. Часто показывается на глаза, можно сказать, «идет в вид». Сразу понятно, что с него в охоте на соболя толку будет мало. Вьюга ходит «шире», на глаза попадается реже. По охотничьим понятиям, что-то ищет, значит, работает. Ну, а Кучум – просто трудяга. За тот отрезок пути, что они прошли от дома, на глаза показывался всего два раза.

Первое время братья подумали, что кобель вернулся домой. Но тот догнал их за первым перевалом, ушел вперед и вот теперь, на стоянке, догнал второй раз. И опять – по следу, сзади.

Что говорит о том, что Кучум не считается с передвижением хозяина. Ходит широко, работает (ищет добычу) хорошо. А догоняет только тогда, когда проверит на запахи все ближние горки. Как говорят опытные охотники, ни единой колодины мимо не пройдет. Значит, не зря отец щенка высмотрел, умеет собак выбирать. Сделал сыну настоящий подарок. Будет с кем осенью соболя промышлять.

С такими мыслями, прихватив за ухо горячую кружку с чаем, Топ смотрит вдаль. На красивый сисимский хребет, на травянистую плешину, именуемую «Лопатой», которая издала действительно напоминает лопату с ручкой, где они с братом когда-то рвали черемшу. Дышит чистейшим, благодатным воздухом и не может надышаться. Последние три года ему пришлось дышать морским воздухом, который, как ему казалось, почему-то напоминало запах болотной тины с тонким привкусом начинающегося разложения. Он не переставал удивляться, почему люди стремятся к морю, когда рядом такая благодать тайги!

Смотрит Топ и не насмотрится на красоту естественную, которая, как дева непорочная, помадой не малеванная, духами не загаженная, манит своей таинственной чистотой. Вдыхает кислород, как новорожденный младенец. Слушает и не наслушается разговоров мудрый матери-природы. В них дуновенье ветра, шум реки и бесконечное множество живых звуков: полет бабочки, настойчивое жужжание земляной осы, размеренный голос кукушки. Все это чарует, облагораживает, очищает. Чтобы прочувствовать это по-настоящему, надо несколько лет пожить на чужбине. И потом, вернувшись, относиться к окружающему миру еще более бережно.

А Кирилл что-то рассказывает о своем, наконец-то дождался «свободных ушей». Есть теперь с кем поделиться жизненными проблемами, которые есть у любого человека. Даже в четырнадцать лет. Но обнаружив, что брат его не слушает, обиделся, решил разыграть. Незаметно направил таган к костру пяткой. А на палке носки висят, сушатся. Огонь радостно хватил хлопчатку. Задымилась носки, оплавилась. А Кирилл рад, рот до ушей, хохочет, пальцем тычет:

– Во! Смотри, носки твои сгорели. Знать, девка твоя тебе изменяет...

А Топ, понимая «коварство» брата, равнодушно отвечает:

– Что поделаться? Она тоже человек...

Кирилл несколько сконфужен, не ожидал такой реакции. Наверно, думал, что брат будет переживать, знает, что Топ свято верит во все таяжные приметы. Некоторое время молчал, а потом покачал головой:

– Да уж, ты и спокойный. Женю бы сейчас далеко слышно было!

Здесь для читателя необходимо сделать краткое отступление. Поверье, если у тебя что-то сгорело из одежды на костре или у печи, значит, жена изменяет, дошло до нас с незапамятных времен. И кто сказал эти слова первый, неизвестно. Были такие случаи даже в наши дни, когда кто-то из промысловиков бросал охоту и выходил домой, чтобы там застать врасплох свою неверную супругу. Но в жизни правдивость этой приметы так никем и не доказана. Верна ли злая шутка, есть ли в ней толика правды, знает только ветер да сама жена. Женский характер неповторим, как горная река. А можно ли узнать у речки, сколько в ней набрано ведер воды?

Несколько слов о Жене. Евгений – родной брат Топа, а Кириллу – двоюродный. Характер – полная противоположность старшему брату. Если что не так да не по нему, или кто-то посмеялся над ним, может взорваться, обидеться. Если бы на костре подгорели его носки, разметал огонь по сторонам. Но через десять секунд «остыл», потому что Женя отходит быстро и незлопамятный. Сейчас он занят учебой. Поскольку на старшего брата его «приколы» не действуют, Кирилл решил переключиться на более серьезный разговор, который для его четырнадцати лет кажется едва ли не самым главным. Хлебнув чаю из своей кружки, он удрученно склонил голову и начал:

– Сколько лет живу, столько по тайге хожу, а зверя так еще ни одного не видел.

Топ удивленно вскинул брови, округлил глаза, прикидывая, сколько же времени тот ходит по тайге... И, стараясь не обидеть Кирилла, заметил:

– Какие твои годы! Я в четырнадцать лет только в тайгу начал ходить. А ты вон уже сколько, меня переплюнул! Подожди, сделаем солонец, «присолится» марал. На будущую весну не только увидишь, но и стрелять будешь.

– Да уж. Мне бы хоть раз посмотреть. А там бы я не промазал, – мечтательно произнес он. – Хошь бы какой козел, что ли, выскочил?

Топ усмехнулся, искоса посмотрел на него:

– Будешь в тайгу ходить, увидишь не только «рогатого», но и «лохматого!» Только, чур, не «лицо в лицо», а подальше...

И какими пророческими оказались слова старшего брата! Потом, позже, были в жизни младшего брата маралы, сохатые. И даже «лохматого» Кирилл увидел «лицо в лицо». И в таких обстоятельствах: либо он тебя, либо ты его! Как говорят медвежатники – «рыло в рыло». На расстоянии одного метра. И вышел из этого поединка с честью: растянул лохматую шкуру на стене.

Тот день тоже не прошел даром. После утреннего костра братьям предстояли встречи. И довольно яркие, запомнившиеся надолго. Первая из них произошла скоро, примерно через час после завтрака, когда они, уложив свой немудреный груз, пошли дальше, теперь уже вниз с хребта, в пойму небольшой речки Калпушки, и даже не речки, а таяжного ключа, с чистейшей водой, в котором на дне видны не только камни, но и песчинки. Древний кедр, неизвестно когда умерший от старости, послужил им переправой на противоположный берег, как и три года назад.

Время нисколько не испортило природную переправу. Казалось, что братья проходили по знакомому стволу дерева только вчера. А дальше – невысокая крутая горка, именуемая среди местных охотников – Середыш. Названа так, потому что находится посреди двух речек, делит два притока: Калпушку и Калпу. Южный склон горы когда-то побывал в пожаре. Старые деревья выгорели. Взамен их выросли новые, молодые ели и пихты. Остались неподвластные зарослям скалы да каменистые россыпи, курумники, как плешины на голове престарелого человека. По одной из таких россыпей пришлось идти братьям, чтобы напрямую вылезти из лога на вершину очередного препятствия.

Топ впереди, Кирилл сзади. Не отстает младший брат. Стараются перегнать Топу, чтобы там, поджидая на вершине горки, небрежно пристыдить: «Что-то ты совсем зажил». Или сказать что-нибудь еще в этом роде. Чтобы обогнать брата, надо простор, поляну или разреженный пихтач. Может быть, вон там, впереди, за небольшой скалой. Обойти каменную гряду как можно скорее да озадачить впереди идущего неожиданным приветствием. Вот бы только поскорее пройти эту проклятую россыпушку, где приходится идти, согнувшись в три погибели, даже зацепиться не за что. И тут он увидел на камнях какие-то веревки, как раз кстати.

Только хотел Кирилл ухватиться за серый корень, а удавка метнулась, вскочила на дыбки да зашипела. Змея! Кирилл отдернул руку, едва не упал... И уж было почти приземлился на камень, да вовремя шею завернул. Хотел присмотреть место поглаже. А там – еще одна гадюка зубки оскалила. Немного до мягкого места не достала. Ужаснулся Кирилл, заголосил, запрыгал журавликом. Хотел побежать в сторону по россыпи, да вокруг него на каждом камешке веревки намотаны...

Топ удивленно оглянулся назад: а там братишка танец народов Севера изображает, как будто в бубен шаман застучал. Кирилл раскорячился под рюкзаком, застыл в позе высохшего оскоря, раскинул пальцы веером. А каждый палец на что-то показывает. Топ тоже глаза «раскрыл», посмотрел по сторонам, даже несколько удивился.

Вокруг них – змеи, ступить некуда. Большие, по метру, маленькие – размером с собачью лапу. Толстые, тонкие, длинные, короткие. И цвета разного: черные, серые, рыжие, с геомет-

рическим рисунком, ромбиками. Те, что побольше, – по одной на каждом камешке. А те, что поменьше – по две да по три в связке пригrelись. Сколько их? Десять, двадцать или пятьдесят?! Считать некогда. Те, что поближе к ногам, уже вздыбились, ощерились. Пора ретироваться, да только куда?

– Что «за женской юбкой прешь»? Не видишь, куда идешь? – заголосил Кирилл. – Очки сними...

– А я что? Сапоги дорогу знают, – начал было оправдываться Топ, да вдруг понял, что, как зашли в змеиное царство, так и выходить надо. – Давай назад потихоньку. Как пришли, так и уйдем.

Кирилл теперь передом – вниз, козликом запрыгал по камням. А Топ за ним, гусем, вплуприсядку. Шаг за шагом, покинули опасное место. Встали, оглянулись. А змеи уже утихомирились, вновь пригrelись на солнышке. Свернулись калачиками и блаженно закрыли глазки.

Братья постояли немного, попытались посчитать гадюк, да только где там! Сколько в россыпи камней, столько и змей. Как еще удачно вышли из круга.

– Надо уходить отсюда, пока собаки не набежали, – торопит Кирилл.

– Собакам что? Они пырей едят от укусов змеиных. Да и нюх есть. Не каждая на рожон полезет, – успокаивает Топ.

И точно. Как сказал, так и вышло. Бежит по горе Бим, да точно – на россыпь, где змеи лежат. Только хватил запах, сразу, как обухом по голове ударили, остановился, закрутил головой из стороны в сторону, негромко залаял на пресмыкающихся. Те в свою очередь зашипели дружно, зашевелились. Ближние готовы в пасть кобелю броситься, укусить. Но Бим – не промах, знает природным чутьем, что от гадюк опасность исходит. А может, уже попадал на змеиный зуб.

А старший брат торопит:

– Пошли отсюда, пока собаки всю тайгу не перепугали. И, вспоминая таяжные приметы, думает, к чему бы это?

Дальше произошла вторая «встреча» за этот день, сделавшая «зарубку» на памяти Кирилла. Исполнилось его желание увидеть хоть какого-то зверя в «пустой» тайге. Увидели братья медведя издали, на короткое мгновение. У младшего еще какое-то время оставались круглые глаза, так как, согласитесь, разговаривать про медведя и видеть его – не одно и то же.

Первыми на зверя наткнулись собаки. Все три одновременно. Сразу же, за перевалом, на Середыше, неподалеку от того места, где братья встретились со змеиным царством. Вероятно, медведь слышал, как лаял Бим. Но пренебрег, остался лежать на месте. Или, надеясь на свои законные права хозяина, силу, ловкость, быстроту реакции, не посчитал нужным уйти. Потому и был напуган четвероногими друзьями человека.

Скорее всего, медведь спал, пригrevшись на солнышке, что он и любит делать в часы сытного наслаждения покоем. В такие моменты зверь беспечен, его слух притупляется, глаза закрыты, а нос «забит» муравьиной кислотой. Появление собак медведь заметил слишком поздно, когда они выбежали из кустов на расстоянии пяти метров.

Это равносильно тому, когда вы преспокойно досматриваете сладкий сон, а на вас в это время падает шкаф. Такое «удовольствие» от встречи получил медведь. Спал себе спокойно на солнышке, а тут на тебе – вылетели лохматые чудища, перепугали до смерти. Где уж тут «остаться равнодушным»? Подорвался лохматый, как солдат по тревоге, заревел со страху – да чесу! Только пятки сверкают. И собаки догнать не могут.

От места, где собаки наскочили на медведя, братья находились не так далеко. Может, метров сорок. Только и видели, как в кустах мелькнул рыжий бок и зверь запрыгал через колодник. Хорошо, что от них – в сторону, чуть наискось, левее, в гору. Знает зверюга, что бежать от преследователей надо туда, где труднее.

– Ну что, видел? – усмехнулся Топ, повернувшись к Кириллу.

– Видел, да плохо. Поближе бы, тогда другое дело, – с немного побелевшим лицом, но все же не теряя чувства самообладания, отвечал брат.

– Ты что, хотел, чтобы он побежал на нас?!

– Да нет... но если бы недалеко, метров в двадцати... хоть посмотреть получше, – стараясь казаться равнодушным, отвечал младший брат. – А так все едино, что видел, что не видел.

– Ну и как?

– Ничего, здоровый. Как конь!

Улыбнулся старший: «Мне показалось, что чуть больше собаки. Пестун, да и только. Вот и следы на муравейнике – чуть больше человеческой ладони. Знать, прошлогодний. А был бы как конь, вряд ли испугался бы собак. И неизвестно, в какую сторону побежал бы: от собак или за ними... Собаки погнали зверя тогда, когда он их испугался. А если наоборот? Неизвестно, чем могла окончиться встреча». Вслух Топ ничего не сказал. Пусть будет так, как есть. Знает Кирилл, что медведь боится человека и собак. А запугаешь смолodu – до старости будет ходить да оглядываться.

Подошли братья на лежку, где медведь отдыхал. Старший показал следы, развороченный муравейник да несколько экскрементов убежавшего «муравятника». У страха глаза велики! Теперь медведь будет бежать вон за тот хребет, пока собаки не выдохнутся.

– Что, идем дальше? – спрашивает старший брат.

– Давай. Может, еще кого увидим, – соглашается младший.

Подкинули котомки, зашагали вниз, под гору. Навстречу третьему, трагическому, происшествию.

В долине, «под ногами» у подножия хребта бежит речка Калпа, черемшанная. Густой пихтач заменяют переплетения тальника и ольховника. Как в низкорослой подсаде: молодые хвойные деревца, разросшиеся на таком расстоянии друг от друга, что негде поставить ногу. Чтобы перебраться на другой берег реки, надо заранее найти место и лишь потом начинать передвижение.

Братьям надо перейти на противоположную сторону реки, выйти к устью Лопатинского ключа, а потом идти по нему вверх, к черемшанным полянам. Чтобы преодолеть пойму, надо все хорошо просмотреть, как пробраться в кушарях (в кустах). «Так, вон там есть небольшая полянка, а за ней – узкая горловина. Да и речка широкая, с островками. А значит, мелкая, можно пройти в сапогах», – думает Топ и устремляется туда. Кирилл – за ним.

Они спустились к речке, осторожно вошли в воду. Нагнулись, попили воды. Сзади подбежал Кучум, глядя на них, высунул длинный язык, тоже стал лакать живительную влагу. Почему он один? Где Бим и Вьюга? Возможно, все еще гонят медведя. Или пошли на очередной круг? Рано или поздно догонят. Если Кучум здесь, значит, и они скоро прибегут.

Наконец-то перебрались неглубокую речку, вышли на каменистую отмель, а потом – на песчаную косу. Топ нагнулся и увидел под ногами следы маральных копыт. Определил: совсем недавно здесь прошла маралуха с мараленком. Мать и дитя. Грязная вода не успела заполнить свежие отпечатки копыт. Воздух не успел выветрить острые запахи. Солнце не высушило липкую глину. Следы четкие, резкие, новые, как только что отлитая пуля.

Сколько времени прошло с тех пор, как здесь прошли звери? Даже несведущему понятно, что совсем недавно. Топ определил точнее: от двух до пяти минут назад. Приложил палец к губам, а другой рукой ткнул в сторону высокоствольного ерника: они тут, рядом. Кирилл вопросительно приподнял голову: а что толку? Все равно ружья нет, да и стрелять в матку с телком – грех. Старший пожал плечами: тогда пошли дальше. Младший качнул головой: да. А сам смотрит в темную чашу, вдруг увидит стройную маралуху?

Кучум сзади бежит, перескочил через речку, по отмели да на косу. Ткнулся носом в копыта: что такое? След вроде как у коровы. Но запах – резкий, острый, неповторимый, инстинкт вздыбил шерсть на загривке. И хотя кобель еще ни разу в своей жизни не видел

марала, сразу понял различие в отпечатках копытных животных: копыто домашних пахнет человеком, а оленя – тайгой.

Как молния ударила в голову Кучуму. Волнующее кровь чувство азарта, преследования, добычи, наконец. Рядом дикое животное, которое он должен искать, гонять, останавливать или просто предупреждать хозяина о нем. Вот он, марал, здесь, рядом. Легкий ветерок наносит острый запах. И куда только смотрят хозяева? Прошли мимо, не останавливаясь... Неужели они не почувствовали? Значит, надо их предупредить.

Братья прошли двадцать метров от брода. В это время залаял Кучум. Громко, заразительно, грозно, предупреждающе. Сразу понятно – неспроста. И не на мелкую дичь, а крупного зверя. Они остановились, посмотрели назад, переглянулись: что там? Неужели?.. И не успели что-то осознать. Так все произошло быстро, стремительно! Сначала – глухой топот ног в густой чаще. Затем – треск кустов и на поляну выскочила грациозная маралуха. Она передвигалась так быстро, как только может бежать за зайцем голодная лиса. Еще два-три отточенных прыжка – и острые копыта взметнулись над обреченным кобелем.

Кучум понял, что от зверя исходит смертельная опасность. У охотничьей собаки врожденное чувство страха развито особо остро. Тайга шуток не любит. Кучум бросился бежать. И, возможно, сохранил бы себе жизнь на чистом месте, где-то на поляне или у песчаной отмели, увернулся от упругих ног зверя. Но, оглядываясь назад, на маралуху, кобель метнулся в густые переплетения тальниковых зарослей, где запутался, споткнулся и опрокинулся на спину. А дальше – все, как в кино, хорошо снятых кадрах фильма.

Маралуха подпрыгнула на передних ногах и опустила телом на поверженного Кучума. Братья слышали глухой удар копытами. Увидели замелькавшие в воздухе лапы кобеля, и как маралуха грозно зашевелила ноздрями, закрутила головой из стороны в сторону. Приподнялась на задних ногах, по всей вероятности, намереваясь нанести врагу еще один удар.

Топ, наконец-то поняв, что происходит, бросился Кучуму на помощь. Побежал, замахал руками, закричал, как на домашнюю корову:

– Цыля! Цыля пошла! Ты что, черт возьми, страха не знаешь?! Людей не боишься?

Мать-маралуха удивленно вскинула ушастую голову, посмотрела, может быть, подумала: «А это там кто еще?» Наверно, не узнала человека. Приняла за еще одного врага. Или чувство защиты своего дитя оказалось на какой-то миг сильнее страха перед человеком? Но... круто развернулась и опять прыжками, угрожающе склонив голову, побежала на братьев.

Вполне возможно, все было бы по-другому, будь на ее месте медведица или даже сохатуха. На чистой поляне, без ружья братьям пришлось бы туго. И неизвестно, чем могло все кончиться. Чувство страха перед человеком у маралов развито сильнее. Не пробежав полутора десятков метров, маралуха остановилась, гордо вскинула голову, секунду смотрела на орущего непристойные ругательства человека. Потом повернулась боком (подставила себя под выстрел!), устремила взгляд в густую чащу, где, по всей вероятности, находился ее детеныш.

Она, конечно же, думала: «Все ли с ним в порядке, жив ли, не напали на него другие враги?» Все ее смелые, решительные действия против собаки были вызваны только защитой своего чада. В любой другой момент, будь она одна, маралуха убежала бы от опасности на своих грациозных, крепких ногах. Но сейчас она была матерью. И этим все сказано.

Страх перед человеком пересилил чашу весов в поведении зверя. Человек был рядом. Таил в себе большую опасность не только для нее, но главное – для детеныша, который в эти мгновения находился в стороне, один. Инстинкт самосохранения подсказал, что надо уводить мараленка от смертельной опасности. И это было правильным решением с ее стороны.

Резко сорвавшись с места, заботливая мать в два прыжка пересекла поляну и скрылась в густых зарослях ерника. Затем оттуда послышалось негромкое муканье и за тернистой колкой показались два силуэта: маралуха, прикрывая своим телом дитя, уводила за собой мараленка, такого маленького, пыжикового, пятнистого. Вероятно, родился он не более двух недель назад.

Еще какие-то мгновения, несколько шагов – и звери растворились в глухой тайге. Целые и невредимые. Гордые и неповторимые. Сильные и хрупкие, изящество природы, созданное за многие века существования в этой среде.

– Ну что, насмотрелся? – улыбнулся старший Топ.

– Да уж, – все еще переживая ситуацию, ответил Кирилл. – Особенно, когда ты на нее «цыля» орал. Как на корову дома.

А как больше, если она «русских» слов не понимает!

– Жалко, ружья не было. Мясо под носом было, – с сожалением вздохнул Кирилл. – Тут даже промазать стыдно.

– Ружье было бы, все одно стрелять не стал.

– Почему?!

– В матку? Молочную?! Ну, ее бы завалил, а с ней пришлось бы и пыжика. Один-то он, сейчас еще не выживет... Знаешь, что старые люди считают? Грех это великий – стельных бить и матерей с детками. Примета очень плохая. Говорят, кто мать с дитем убьет, у того семьи не будет.

– Да ну уж? – недоверчиво переспросил поникший Кирилл. – Точно?

– Не знаю, – ответил Топ. – Не пробовал. И не буду. И тебе не советую. Что, с голоду пухнем?!

– Это так... только вот припугнуть-то надо было, чтобы на Кучума не кидалась.

И то верно. Переживая встречу, совсем забыли о кобеле. Забеспокоились, присвистнули: Кучум, где ты? Побежали в кусты. Смотрят, а кобель к ним на зов идет. Тяжелый, понурый, покачивается из стороны в сторону.

– Что с тобой, дорогой? – наклонились братья к собаке.

А тот вроде ластится, хвостом крутит. Братья осмотрели его со всех сторон, нигде крови нет, все цело. Ноги гнутся, переломов нет.

– Хух ты, слава богу! Вроде все нормально. Топ скинул свою котомку, достал пирожок матушкиной выпечки, бросил собаке. Кобель даже не понюхал. Лег, морду на лапы положил.

– Во заелся! Не хочет, – поднимая с земли угощение, недовольно проговорил Топ. – Другой на лету хватает. И посмотрел собаке в глаза, увидел, как потускнели зрачки, понял, что с Кучумом что-то неладное:

– Ты что, дорогой, ударила она тебя копытом?

Кобель нехотя помахал хвостом, раскрыл пасть, улыбнулся хозяину. По его угрюмому виду можно было понять, что где-то внутри него есть боль, с которой он не может справиться.

А хозяин настаивал:

– Ну, давай, поднимайся. Расхаживаться надо. Тебя никто не заставляет бегать далеко. Просто иди сзади, надо идти, – приподнимая Кучума, говорил Топ. – Вот так, перебирай лапами, – и легко подтолкнул собаку на ход.

Кучум побежал вперед, даже обогнал идущих на несколько метров, повернул голову, хотел проверить направление, в какую сторону идти. Узнал, хотел побежать, но пошел шагом, раскачиваясь из стороны в сторону. И вдруг завалился на правый бок, неестественно запрокинул голову назад, вытянулся во всю длину тела, глубоко вздохнул и... умер.

Братья застыли от неожиданности. Все еще не веря в произошедшее, Топ пытался приподнять бездыханное тело, тормошил Кучума. Но тот не подавал каких-то признаков жизни. Острые уши поникли. Наполовину закрытые глаза заполнились чернотой безжизненных зрачков. Вывалившийся язык побелел до чистоты тающего снега. По всей вероятности, от удара копыт маралухи у собаки были повреждены какие-то внутренние органы.

День первый

Утро. Тихое, беззвучное, спокойное. Как штиль на море. Влажный воздух задремал на поникших лапах деревьев. Нахохлившись кустарники покрылись серебристым налетом плесени росы. Напитанная утренней марью трава склонила головы. Где-то далеко, в низине, одно-тонно булькает ручеек. Высоко в небе остановили свой бег русые облака. В узкие створы черных пихт протискиваются яркие стрелочки лучей восходящего солнца. Притихли, посветлели под ласковыми лучами небесного светила угрюмые горы. Ночные птицы спрятались в густых ветвях деревьев. А дневные, нахохлившись, нежатся, купаются в сладостном тепле наступающего дня.

И только комары без усталости поют свою комариную песню, сопровождая себя звенящими крылышками. Их немного. Может быть, десять, двадцать. Но кровососущие твари настойчивы и неутомимы. Чувствуют запах крови и нагло лезут на открытые части тела. Стоит взмахнуть рукой, они разлетаются по сторонам. Но тут же возвращаются и нудно пищат, и вонзают острое жало в открытые участки тела...

Впрочем, что комары? Ну, вонзит свое тонкое жало самка, выпьет капельку крови. От человека не убудет. Может, даже лучше, когда взамен этой капельки организм выработает новую кровь, обновит кровообращение. Даже наукой доказано, что новая кровь молодит.

Вот, например, староверы. Возможно, самый замкнутый, скрытный народ во всей России. Живут в таяжной глуши. Не признают современную медицину, блага цивилизации. А лечатся только своими, дедовскими методами: травами, природными мазями, другими естественными средствами, а не химией. Заболеет кто-то, делают кровопускание. Говорят: «Дурная кровь в теле замесалась, пускать надо». Пускают, и больной выздоравливает. С того момента, когда начинает обновляться кровь. В организме происходит естественная борьба здоровых клеток с пораженными. Так пусть покусают комарики, выпьют немного крови. Вот только как удалить боль, зуд, жжение в теле?

К комариным укусам Топ привык. Для него жизнь в тайге – явление само собой разумеющееся. Как воздух, вода, земля, небо. А комары – необходимое «дополнение» в летний период, без которого нельзя представить живой мир. Раз так, значит, надо относиться к ним так, как они к тебе. Кусают, а ты их не замечай. И они не будут на тебя насаждать.

Когда-то Топ прочитал в одной умной книге, что человек при нервном расстройстве сжигает энергии в несколько раз больше, чем в спокойном состоянии. Организм работает в повышенном режиме. Отсюда – высокая температура тела, обильное потоотделение, ускоренное передвижение крови, что создает благоприятные условия для комаров. В такие моменты, отгоняя кровососущих, человек психует, злится. Этим еще больше привлекает их.

И Топ решил провести на себе эксперимент: стал относиться к комарам как бы равнодушно. И результаты не заставили себя долго ждать. Не сразу. Через какое-то время стал замечать, что комары «кидаются» на него гораздо реже, чем раньше. Невероятно, но факт!

А все же, что ему дали эти комары? Что из того, что летают над ним? Сейчас думать надо о другом: как выбраться из трагической ситуации, а не размахивать руками. Как спасти себя? На этот счет у него в настоящий момент не было каких-то мыслей. А подумать было над чем.

Почему-то Топ представил золото на скупочных весах. Что «весит» больше: золото или жизнь? Знают все – жизнь дороже. Но на деле большинство людей, увидев золото, необъяснимо меняются... В тайге жизнь старателя не стоит и грамма драгоценного металла... У Топа сейчас на одной чаше весов – надежда на спасение. На другой – его здоровье.

Да, при падении с лабаза смерть пощадила его. Топ остался жив! Но в каком положении?! Прошло несколько часов бесцельного ожидания, надежды на спасение и тревоги. Одна чаша

весов была заполнена до предела. Может быть, это главное. Какое-то время она перевешивала вторую: потерю чувствительности, недвижимость, невозможность контроля над своим телом. Вначале думал, что просто отбил при падении спину, ноги и вот-вот к нему вернется прежнее состояние, он встанет и, как ни в чем не бывало, пойдет домой.

Нет. Не «отпустило»! Прошел час. За ним – второй, третий, четвертый... Топ дожид до рассвета, все так же оставаясь недвижимым. Вторая чаша весов, на которой находилось его здоровье, «золото», постепенно начала перевешивать жизнь.

Главное, Топ не мог понять, что с ним произошло. Он не мог двигаться. Более того – даже не в состоянии перевернуться на бок. В руках не хватает сил. Немошное тело залито свинцом. Печень, почки, сердце, легкие целы. Иначе Топ умер бы несколько часов назад.

Но внутри что-то хрустит. Где – не может понять. Как только начинает опираться руками, пытаюсь перевернуться, по всему позвоночнику – глухой скрежет. Кажется, что сломаны ребра. Но почему нет боли? Наверное, вместе с потерей контроля над движением тела исчезла чувствительность. Но в результате какой травмы это все произошло?..

За эти часы Топ, кажется, попробовал все, что мог придумать его практичный разум. Стараясь перевернуться на бок, подтягивался руками, цеплялся пальцами за всевозможные корни, кочки, камни, уступы. Копал ножом землю. На ощупь собрал палки, пытаюсь подловить свое тело. Снял с пояса ремень, подвязал к пихте, пытался подтянуться к стволу дерева.

Однако результат оставался тем же. Он по-прежнему находился в изначальном положении, как после падения: лежал на спине, не сдвинувшись в сторону ни на сантиметр. Это состояние пугало, убивало, глушило разум. Бессилие вдруг натолкнуло на страшную мысль: а если он не встанет вообще?

И сознание мгновенно «ответило» шоком, как будто в голову налили кипятка. Наверное, было бы лучше, если бы он разбился насмерть. Мгновенная смерть – лучше, чем беспомощно лежать в ожидании своего часа. Никогда его не найдут, даже если и будут искать, так как никто не знает, куда пошел и где сейчас находится.

Эта мысль снова обожгла мозг, Топу стало плохо. Почти так, как бывает при потере в жизни самого дорогого, что у тебя есть. В таких случаях люди иногда на краткий миг теряют память, отключаются от происходящего. Видимо, это случилось и с ним, потому что дальнейший отрезок времени вспоминается смутно – опрокинутым небом с остановившимися облаками.

Когда Топ «включился», инстинктивно потянул за резиночку, вытащил часы, посмотрел время. Пятнадцать минут седьмого. Раннее утро зарождающейся «новой жизни». Молча поглядывая на циферблат, стал крутить колесико. Привык заводить часы всегда в одно время, после того как просыпался.

Сейчас был тот момент, когда надо было дать «работу» механизму еще на одни сутки. И заметил, какими слабыми стали его пальцы: с большим трудом проворачивает крохотное колесо, как будто скручивает воедино жилки двухмиллиметровой стальной проволоки. Это было непонятно и опять же – пугающе.

Впрочем, слабыми стали не только пальцы, но и руки. Его сильные, здоровые конечности, которыми мог спокойно поднять лодочный мотор «Вихрь» весом в пятьдесят килограммов. Теперь же ему казалось, что едва ли сможет оторвать от земли топор. Да что там топор? Работая руками, Топ чувствовал, как напрягаются в плечах мышцы, как будто поднимают двухпудовую гирю. А потом – усталость. Обескураживающая, слепая, непонятная, но реальная. Как будто в течение получаса ему приходилось непрерывно закидывать в кузов машины тяжелые березовые чурки.

Топ завел часы, уронил руки на грудь. Хочется отдыхать и ни о чем не думать. Час, два, три... целый день или даже сутки... Всегда, когда заводит часы, думает о семье. Светлана и Аленушка. Жена и дочка. Милые, дорогие сердцу люди. Они еще ничего не знают. Не видят,

что над ними склонилось черное крыло горя. И не только они. Мать, отец, братья, дяди, тети. Как все будет, если никто его не найдет?

Но нет. Он не станет допускать мысли о том, что умрет здесь один, в тайге, хотя и не представляет, как и кто его может найти. Неужели так и будет лежать на спине, беспомощный, как смертельно раненый зверь? Он даже не способен перевернуться и ползти!..

Лучше об этом не думать. Тревожит повышение температуры тела. А это еще и причина активности комаров. Вон опять зависла туча – знают, когда наседать на беззащитного человека. Как от них спрятаться?

Топ ощупал свое тело. Живот открытый. Надо подтянуть края телогрейки. На лицо надеть капюшон энцефалитки. А руки заткнуть в рукава. Так будет лучше. Комары не прокусят, и он спокойно отдохнет какое-то время, наберется сил. Ему бы только полежать чуток, хотя бы с полчаса. Тогда силы придут к нему, и он начнет действовать.

Надо будет покрепче ухватиться вон за тот пихтовый корень, с силой перевернуться, а потом, на животе, будет проще. Топ поползет вперед, вниз. Сначала до ручья. Очень уж хочется пить. Ну а дальше – по своему следу, как сюда пришел. Метр за метром. Препятствие за препятствием. Горка за увалом. И целый перевал. Только бы выползти до дороги. А там часто проезжают люди. Там – спасение. Но сколько отсюда до дороги? Пять, семь, десять километров? Пешком он шел сюда полтора часа. А сколько придется ползти? Нет, лучше об этом не думать.

Когда Топ поехал сюда, на солонец, на мотоцикле, сказал Светлане, что едет в Калпу. Не доехал, свернул на старую дорогу, в Безымянку. Загнал «турухтан» в тупик, в тайгу, где не сразу найдешь.

Короче – сам себе захлопнул капкан. Если его и будут искать, то совсем не там, где он сейчас находится. Светлана... Она первая, кто подумает о нем, спохватится, станет волноваться, а потом забьет тревогу. Но когда это будет? Сегодня вечером, завтра утром или даже послезавтра? И, может, его уже не будет. Но нет, лучше об этом не думать и представлять себе что-то другое, хорошее.

А летнее утро набирает свои права. В тайге праздно шествует продолжение жизни. Легкий ветер проснулся под теплыми лучами солнца, перескакивая с ветки на ветку, зашумел ароматной, смолистой хвоей деревьев. Затрепетали под игрой невидимой руки робкие березки. Раскачиваясь из стороны в сторону, «заговорила» трава.

Приветствуя доброе начало, раскрыли, испустили накопившиеся за ночь ароматы махровые жарки. Перепрыгивая с камня на камень, весело побежал вниз звонкоголосый ручеек. Существующий мир наполнился переливами пернатой живности. Отмеряя неумолимое время, по тайге шагает новый день.

Кажется, никому нет дела, что где-то под деревьями лежит человек. Все происходит так, как бывает всегда. Как было вчера, неделю, год, век, тысячелетие назад. Благоухает трава-дурнина, растут деревья, течет ручей, порхают с ветки на ветку птицы, осторожно шагают в чаще звери. Каждое и каждый сам за себя. По закону тайги. Как предписано матерью-природой испокон веков. Никто и ничто не поможет тебе, если ты не поможешь себе сам. Значит, надо надеяться только на свои силы. Иначе – гибель.

Но где их взять, силы? Где тот настрой, бодрость духа, выносливость, неутомимость, радость в передвижении? Куда в один миг исчезло здоровое тело, сильные, не знающие усталости ноги, крепкие руки? Почему его существо заполонила тягостная, ватная пустота? Отчего он не может встать, одним рывком вскочить на ноги, шагать по бурелому напрямик? На эти вопросы Топ не мог дать ответ. Он старался не допускать мысли, но начал понимать, что с ним произошло что-то непоправимо страшное.

Семь часов утра. Как во сне, Топ смотрит в небо, а видит свой дом. Родной и далекий. Желанный и недоступный. Светлана хлопчет по хозяйству, пошла доить корову. Поставила перед Дочкой немудреное пойло. Пока та склонилась над ведром рогатую голову, присела на

маленькую скамеечку, проворно промыла вымя, схватила цепкими пальцами твердые соски. Резко звенят о дно подойника плотные струи. Молоко пенится, звенит, пузырится, быстро заполняя белоснежной жидкостью эмалированную емкость.

Топ всегда удивлялся, как Светлана доит корову: ловко и быстро, как будто старается успеть отобрать у Дочки естественную драгоценность, что, впрочем, для ее характера является закономерным. Любое дело жена делает в таком ритме, как будто в ее сознании крутится юла, которая подталкивает, заставляет делать любую работу в ускоренном режиме. Как заведенная пластинка проигрывателя, которой положено крутиться тридцать три оборота в минуту, а какой-то невидимый «дирижер» переставил скорость на семьдесят восемь. Моет посуду – чашки отскакивают. Подметает пол – веник рябит в глазах. Книгу читает – страницы мелькают. Движения проворны, стремительны и одновременно точны. Ну, а если куда идет, не догонишь. Пятки «сверкают». Не идет, а бежит. Идти рядом невозможно. Спросишь: «Куда торопишься?» А Светлана удивляется: «Я нормально иду, это ты как черепаха ползешь!» И так во всем. Если вяжет, за несколько дней готов свитер или пуловер. Шьет руками как швейная машинка.

Но главная ее «коронка» – приготовление пищи. Как жена готовит, так только может матушка. Тут уж неизвестно, кто у кого учился: невестка у свекрови или наоборот. Жена знает, путь к мужу лежит через желудок. И во многом права.

Каждое воскресенье у Светланы –стряпной день. Торты, булочки, пироги – закон. Ему и дочке Аленке, остается только наслаждаться «вкуснотищей». И удивляться: «Когда это ты все успеваешь делать?»...Сегодня жена пообещала настряпать пельменей. К одиннадцати часам. К тому времени, когда Топ пообещал вернуться. Разговор был краток:

– Когда придешь? – спросила Света.

– Как всегда, – ответил он.

– Значит, к одиннадцати?

– Да.

И если Топ говорил, что придет к такому-то времени, значит, всегда возвращался точно в срок. И она, если сказала, что сегодня будут пельмени, значит, они будут готовы. Топ знает, что Света сдержит свое слово. Только вот он не придет сегодня к ним вовремя.

Эта мысль «огрела его кнутом», ошпарила кипятком, ударила оглоблей. Топ взорвался, дернулся: «Что же это я лежу? Меня будут ждать!» Отчаянно замахал руками, пытаясь приподняться на лопатках. Попробовал повернуть голову. Получается плохо. Крутится вправо, влево, но ограниченно. В лучшем случае видит соседние кусты. Чтобы окинуть взглядом землю, на чем лежит, надо использовать руки. Приподнять голову, а затем повернуть ее до определенного угла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.